

Анастасия Снежина

Папиж

МОСКВА / БОСЛЕН

Часть Вторая
Однолюбка

Глава 1

1

Время существования Сергея в жизни Наташи это была, конечно, поэма.

Они полгода с ним просто ходили рядом, прежде чем даже поцеловались. Даже за руки не брались. Такие чистые и трогательные у них были отношения. Он до сих пор хранит в памяти день первого поцелуя. Число помнит и месяц, и каждый год напоминает ей об этом дне, как о памятной дате.

— А я ничего не помню, — смеется, как всегда, напуская на себя легкомыслие, она. — Я всегда это забываю...

— Папа ревновал. Смотри, мать, он ее за руку взял... Спустя месяц, опять глядя в окно: смотри, мать, он ее обнял!..

В то же время, сколько легкомыслия на себя она ни напускала, она тоже была в упоении от их отношений, и она тоже тогда воспринимала их взаимоотношения очень серьезно. Без всяких задних мыслей и перспективы его бросить, это была ее первая и настоящая любовь, истинная любовь, именно потому что первая. Потому что именно первая любовью и бывает. Это мы потом себя обманываем, говоря, что первая любовь — это как корь, что это, конечно, трогательно, но ею все переболевают, и это только детство. Как будто вторая, третья любовь может быть... Как будто у нас они были!.. Да вспомним, признаемся себе чест-

но, любви ли это? Не путаем ли мы слова, называя любовью то, что потом в жизни неоднократно имеем?.. Истинная любовь — это то, что нам открывается вместе с познанием мира. И как счастливы люди, у которых в этот момент был любимый человек рядом и они с ним вместе познавали мир; и как заблуждаются они, когда, недооценивая и иронизируя над «домостроевским», излишне строгим правилом единственности, полагают, что это было только детское приключение. Провидение всего раз дает нам настоящее, потом это уже тираж, потом это уже не заправдашнее. И если ты не воспользовался этим настоящим, потом ты делаешься как лишенный родины скиталец, как стронутый с места селянин, как вечно ищущий нечто за морями-океанами странник, к концу жизни, тем не менее, мечтающий о единственном: умереть в отчизне.

Наташа имела в жизни у себя это настоящее. И она сознательно решила этим настоящим не воспользоваться. Мы ведь так самонадеянны в юности, мы же представляем, что у нас впереди вся жизнь, вечность, и еще много будет всего прекрасного. И все потому, что ее любимый оказался человеком сложным. Он оказался катастрофически деспотичным.

Сначала, кстати, ей это даже нравилось, она ощущала себя полностью под его опекой и защитой, когда наконец перестала думать о насильниках, о самообороне, о темных углах и потенциальных угрозах, а потом почувствовала, что не только под защитой, но и в неволе, в изоляции как полностью принадлежащая ему вещь. Никто не посмотрит, не подойдет. Он ревновал ее даже к ее любимым певцам, к портрету Витаса у нее на стене, к Тимоти.

На ревности, на отцовской жестокости она обожглась. Это была, кстати, боль и великая тайна их семьи. Гнев и ярость ее отца, усиленные все повторяющимися неудачами на их исконной родине, в борьбе против оказываемого на этой родине на ее семью модного «эмансипирующего» воздействия (как бы там ни было, на их патриархальную семью влияния всех «прелестей» новой свободной жизни), дошли до предела и начали превращаться уже в исступление, так что жену свою он начал за каждый ее им расцениваемый проступок по-настоящему бить, а после смерти средней дочери, доведенный до отчаяния, срывая злость, бить даже стал чуть ли не каждый день. Причем жестоко. Все это пугало Наташу

до безумия. Она даже участвовала однажды в драке с ним, встав на защиту оскорбляемой матери. Они возвращались из своего магазина после закрытия работы пивнушки, которую они в дополнение к магазину у себя соорудили, и по дороге в свой поселок отец, прицепившись к матери по какому-то пустяковому поводу, приревновал ее и ударил. И Наташа встала на защиту. Тогда досталось и ей. Тогда мама уже встала на защиту дочери. И тут уже началось что-то такое невообразимое и несусветное, что Наташа от одних воспоминаний в ужас приходила; закончившееся тем, что она, дочь своего отца, кричала ему, валявшемуся, видимо, от своей же собственной ярости и злости с сердечным приступом в кювете: «Чтоб ты сдох!» И даже «скорую» ему не вызвала. За что, правда, в глубине души страдала и корила себя потом очень долго; пусть он и дотацился позже, после ослабления приступа, домой самостоятельно. Мало того, через несколько дней даже еще и извинения у Наташи просил...

И хотя первого любимого, по дочернему комплексу, Наташа выбрала похожего именно на отца, повторив, как она в шутку сказала, поведение матери, которая в детстве и юности тоже была очень драчлива, и била всех взявшихся за ней ухаживать ребят. Но отца побить не смогла и поэтому вышла за него замуж. Так что, хотя первого своего любимого она выбрала такого же деспотичного и, как отец, ревнивого, со временем она все же разобралась и этого же испугалась. Она взглянула на их отношения с Сергеем под углом отношения отца к матери и преисполнилась страха. До такой степени, что решила с любимым порвать. Мало того, решила не любить впредь никого больше. Зареклась любить. Осознав вдруг, что слишком много страданий настоящая любовь приносит, даже себе самой (она все же была умна и объективно оценивала себя). Любя, говорила она, хочешь владеть объектом любви целиком и нераздельно, а это не всегда получается, ты им до конца владеть все равно не можешь. И от этого еще больше огребаешь страданий. А объект может быть и неверен тебе, может начать гулять на стороне, а чуть, как она сказала, почувствует, что ты его любишь, сразу сядет тебе на шею и начнет на тебе и на твоей любви ездить. А еще он может и умереть... После смерти сестры, этой огромной общесемейной трагедии, она поняла, что любить еще и опасно. Больно, трудно и опасно. Поняла: любить

нельзя в принципе, любовь должна быть искореняема. Ее властная личность, всегда управляющая ситуацией, с безысходностью в любви не могла смириться. Они с Сергеем и до смерти Маши часто ссорились. Оба самолюбивые, не желающие друг другу уступить. Много раз расставались на долгие периоды времени. Еще до его ухода в армию месяцами не встречались. Но после смерти Машеньки она к их отношениям отнеслась с еще большей настороженностью. И когда он ушел служить, решила с ним порвать. Для властной амазонки, мечтавшей полюбить и наконец обретшей любовь, в отношении любви нашла коса на камень.

Ведь это надо было представить! У него такой же, как у отца, страшный характер. (Вот когда осознаешь, что лидерство и ПТУшные замашки сверхчеловека не всегда достоинство). Он патологически ревнивый. Отбил всех ее мальчиков и всех ее друзей. Стоило кому-то подойти к ней на дискотеке или пригласить на танец, он тут же на улице его избивал. Первый хватался за ее телефон, когда кто-нибудь ей звонил, ходил за ней по пятам. Даже когда пришло после окончания учебы время работать, он не работал толком, а сидел около нее. Как она говорила, сидел со мной рядом на своей попе.

Но не его винила она. «Я бы на его месте поступала точно так же. А вдруг я бы с кем-то могла пойти...» Она винила саму любовь. А это уже было серьезно. Вызывало тревогу. Она решительно отказывалась впредь любить по-настоящему.

Она очень трезво и умно рассудила, какой ей нужен муж: покорный, без выговоров, неревнивый. Поняла, что не такого, как отец, надо, что надо с точностью наоборот. И на своем любимом решила поставить крест.

После ухода его в армию опять вспомнила былую волю, которая у нее была до него. Сблизились снова со старыми закадычными подругами, которые теперь переживали неверности и уходы своих парней и поэтому рады были за компанию пожалеть и ее: что ты всю жизнь будешь с одним своим Сергеем, как дура!..

И у мамы прибавилось проблем и появилось много поводов для беспокойства...

А у нее опять появились двести пятьдесят номеров в телефонной записной книжке.

У нее и до Сергея были мальчики. Даже несколько по-настоящему ухаживающих мальчиков было, из которых самый главный был, конечно, Вовчик, с которым у нее состоялся первый в жизни поцелуй. Мама ее, контролирующая по телефону каждый ее шаг, наказала еще в детстве, чтобы Наташа, когда она первый раз поцелуется, рассказала ей об этом сразу. Но как Наташа ни любила мать, ей сказать об этом было неловко, и она не призналась. И в этом ее поступке, наверное, больше чистоты, чем во всех материнских требованиях и в ее подвластном и подконтрольном матери, державшей ее всегда на телефонном поводке, поведении. Разве в таком можно признаваться? При всем том, что Наташа и в кино в свои школьные годы при сценах с поцелуями отворачивалась от экрана, и после этого еще годы продолжала отворачиваться, а порнофильмы вообще никогда не смотрела, и ее молодые двоюродные братья из озорства даже как-то насильно заставили ее смотреть порно, привязав к стулу и насильно пытаясь открыть ей глаза. Кстати, мы еще пожнем плоды этой новой эпохи вездесущей мобильной связи, которая через наш родительский контроль лишила детей полностью самостоятельности и ответственности за свои поступки и за выработанную в таких суровых поднадзорных условиях виртуозную привычку врать. Естественно, под предлогом, чтобы не огорчать родителей. Да и на самом деле, зачем родителям так много знать и знать такие деликатные сокровенные частности, которые формируют самостоятельную жизнь подростка? Врать ежечасно, по пустякам и в серьезных случаях, даже в любые моменты интимных отношений, и всегда иметь нужный трезвый голос для родителей в момент, когда они позвонят, и ребенок достанет из кармана скотканной и брошенной на пол рядом с постелью одежды телефон и ответит: да, мама. Все в порядке. Мы гуляем...

Они с Вовчиком дружили. Но что характерно, то ли для новых модных теперешних детских отношений, то ли для той особенной среды, в которой она в своей Вишневой росла, не в том смысле, что он носил ее портфель, или сопровождал ее из школы домой, или преданно провожал издали влюбленными глазами, что, в общем-то, все имело место, потому что они учились в одном классе. Но в том смысле, что он первый понял, как ее можно уда-

рить по попке и безнаказанно убежать. Этого она никому не спу- скала, догоняла и отвешивала своей нелегкой ручкой затрещи- ну. Но он это придумал делать вечером на улице, когда она из-за ее плохого зрения в сумерках неважно ориентировалась в обста- новке, и убежал в кусты. Она же, боясь за что-нибудь запнуться, добежав до кустов, останавливалась. И с этого озорства у них в пятнадцать лет и началась дружба. С ним она первый раз и по- целовалась, чтобы проверить, что же это такое. Правда эта его шкодливость снизила его статус в ее глазах как мужчины. Имен- но он однажды, когда им повстречались два взрослых мужика и стали их оскорблять, струсил и сбежал за помощью, так что На- таше пришлось справляться с мужиками самостоятельно, навсег- да вынеся мнение о своем друге, как не защитнике.

Тем не менее они были большими друзьями. Они вместе ходи- ли на реку купаться, в дальнюю посадку рвать черемуху, в бро- шенный чужой сад за яблоками, по поселку, друг к другу в гости, а чаще всего к Наташе, где в ее комнате вместе с ее младшими сестрой и братом предавались вполне невинным играм. Родители ее были приветливы к гостям своих детей и всегда радовались ре- бятам, приходившим к Наташе, позволяли беситься и играть, как заблагорассудится. Потом у Наташи образовалось еще два зака- дычных друга, тоже ровесника, тоже сопровождавших ее во всех ее мероприятиях, на которые как «безбашенный» отчаянный че- ловек она была горазда, и по поселку она теперь ходила в сопро- вождении троих, но Вовчик все же выделялся, он среди них был главным. Именно он потом, когда у Наташи появился Сергей и она первый раз ушла с ним из клуба, бежал за ними сзади и кричал: «Наташа, я тебя люблю». Первый раз озвучив свое чувство, но, как бы там ни было, уже поздно.

— Отлупить его? — спросил Сергей.

— Если ты его хоть когда-нибудь пальцем тронешь, я с тобой больше не пойду, — сказала тогда она.

Но все же сменила Вовчика на Сергея. А Вовчик превратился просто в друга, до сих пор переживающего эту свою вторую роль.

В Сергея же она влюбилась с первого взгляда. На дискотеке. Он был не поселковый, а пришлый из соседней деревни. У него была серьга в ухе, и он танцевал брейк-данс. И этого оказалось достаточно, чтобы покорить ее сердце навек.

Это уже потом, после его ухода в армию через два с половиной года, она выработала прием привлечения парней продолжитель- ными двухсекундными взглядами. Чистый расчет. Чтобы подо- шел и взял у нее номер телефона. Но тогда взгляд ее был, види- мо, непосредствен и сказал ему гораздо больше. Он пригласил ее танцевать, а потом проводил домой с дискотеки. И они нача- ли встречаться. Что в переводе с их поселкового языка значило: серьезные отношения.

Любить его она никогда не переставала. И первое время она была просто счастлива. А как опекун и покровитель он ее просто умилял.

Да что и говорить, когда она решила поступать в туристический колледж в районном центре, первым туда наведалься Сергей, по- скольку он там, будучи на два года ее старше, уже учился, и пред- упредил всех:

— Тут придет к вам поступать одна красивая девушка, примите ее хорошо. Она моя девушка.

— Да как мы ее узнаем? — спросили в приемной комиссии.

— Узнаете, не ошибетесь, — был его ответ.

Именно с ним с первым она почувствовала себя красивой. И хотя она продолжала еще некоторое время комплексовать при взгляде незнакомых людей на нее и на ее шрам где-нибудь в элек- тричке, за ним она была как за каменной стеной. Именно с ним она почувствовала в себе уверенность. Потому что он на самом деле ее любил. Любил как никто. Она стала единственной его лю- бовью на всю жизнь. Если бы он мог держать себя в руках и не быть столь ревнивым, они бы могли стать, видимо, идеальной па- рой. Ведь это на самом деле была трогательная любовь. Ведь они оба были девственники и на самом деле полгода просто ходили гуляли, пока первый раз поцеловались; и их отношения, несмотря на модные нововведения, какие-то их потом французские, глубо- кие, можно сказать, анатомические поцелуи на людях, хождения по улице в обнимку, складывались очень нетрафаретно, слишком уж была сильна любовь к ней Сергея. Он ее любил и оберегал, без нее свою жизнь не мыслил, и вся жизнь его была сосредоточена в ее существовании. Но он не смог себя преодолеть, не смог взять себя в руки и остепенить свою ревность. Они стали ссориться, при- чем попадались на мелочах, оба гордые, решали, что не сошлись

характерами и им нужно расстаться, долгие периоды времени не встречались, во время которых она, обдумывая, все больше набиралась аргументов, чтобы не быть дальше с ним. Потом опять сталкивались где-нибудь на улице, так что и у нее сердце от встречи трепетало в груди, и опять продолжали долгое время быть вместе. Причем неразлучно, так что он не вылезал из их дома, к себе уходил только спать, а иногда родители ему стелили в гостиной на диване, и с утра он опять был около нее. «Сидел около нее на своей попе». Правда, справедливости ради надо сказать, что, когда у нее был Сергей, она ни на кого из мальчиков даже не смотрела. Не хотелось смотреть. И ей даже нравилось ему подчиняться.

Она продолжала его любить всегда. Даже когда решила расстаться. Постоянно вспоминала милые частности. Как он после очередной ссоры принес ей цветов на выпуск.

Сокурсники говорят:

— Там тебя какой-то тип спрашивает.

— Ну и пусть идет сюда.

— Нет, он тебя внизу ждет.

«Я спускаюсь, народ в курилке сидит, а он у дверей с цветами, с тортком, с бутылкой шампанского — и я опять все забыла, раскислась и как бы без него не могу».

Когда состоялись его проводы в армию, во время которых они опять пребывали в ссоре, ее заставили все же прийти к нему и посадили рядом с ним за стол, заставили участвовать в проводах, с которых она немного погодя все же тихо улизнула отдохнуть к нему в комнату. И проснулась оттого, что кто-то, обнимая ее и всхлипывая, тычется ей носом в затылок.

— Я чувствую, — плача, шептал он, лежа рядом с ней (это был, конечно же, Сергей), — что если я уйду в армию, я тебя потеряю...

И где-то ведь он был прав...

3

А он где служит? — спросил я.

— Под Нижним Новгородом.

— В каких войсках?

— Не знаю, знаю только, что он часто ходит в караулы.

— Так что оружие он всегда использовать может.

— Да, он всегда с оружием.

— Так вот, Наташа, — заявил я решительно. — Это последняя точка. До этого я еще мог сомневаться, да и ты могла относиться к моим предупреждениям как к фантазиям, но сейчас должна убедиться, что его угроза — это повтор вашей родовой ситуации. Это бабушкино, целиком бабушкино, разве ты не знаешь? Это тебе или всему вашему роду снова преподносят ситуацию с тем, чтобы ты уже выбрала. Помни, что разбиться на мотоцикле из-за любви, убить себя — это такая сильная любовь, это такая энергетика, такое событие, что бесследно из жизни такое не исчезает. Почему-то в вашем роду это предопределено. Бабушка от этого, уверяю, бегала всю жизнь. Это было ее проклятием. Я не знаю, что тут накачено энергетически и когда и зачем это было вам послано, но, видимо, в этом что-то огромное есть. Плохое или хорошее, но есть, и оно требует выхода.

Ты расплачиваешься. Почему-то в первую очередь именно ты. Я думаю, от твоей воли зависит, освободить или не освободить от кармы свой род. Я думаю, тебе надо выйти за него замуж. Это для тебя такая проверка, сможешь ли ты смириться и себя преодолеть. Я не могу быть уверен, что ты выйдешь и что тебе будет с ним хорошо, и мне совершенно не хочется, чтобы ты за этого собственника, каким ты его описываешь, и ПТУшника, каким он должен быть по определению, вообще выходила замуж; мне жалко, что такой потенциал, каким ты обладаешь, растратится бесцельно, будет конец всему твоему культурному росту, и ты превратишься в очередную курицу, и настанет конец всем моим планам насчет тебя, конец всем твоим возможностям и перспективам, но я тебе должен сказать об этом. Если ты любишь семью, и хочешь что-то для нее сделать, то тебе, я думаю, необходимо выйти за него. Как бы ты к этому ни относилась. Это зеркальная ситуация в вашем роде. Это повтор. Такие вещи случайно не происходят. Тебе предложено изжить проклятие. У меня такое мнение.

Солдатик твой последний человек, к которому я хотел бы тебя отпускать, но что сделать, если так все складывается. Тебе решать.

Мы сидели за столом. Наташа приготовила какой-то борщ. По поваренной книге, которую я ей вручил для освоения.

— Вы меня пугаете.

— Думаешь, мне радостно тебе такое говорить? — сказал я и потянулся за бутылкой. — Как это в вашей песне поется: Давайте выпьем, Наташа, сухого вина, \ \ Чтоб жизнь стала краше, ведь жизнь одна!

Чтобы снять тяжелую паузу, возникшую за нашим обеденным столом.

Она чуть пригубила.

— За тебя!..

Наташа улыбнулась.

— А еще Наташами в Турции девушек зовут, — сказала она. — Всех наших русских девушек. Проституток. Их воруют и в Турцию увозят, продают там в бордели. В Азии у нас об этом постоянно говорили. Мама моя до сих пор такого боится...

— Господи, красота делает еще и глупой. И как красивой тяжело и опасно жить! Скажи ведь? И как хорошо и легко быть некрасивой!..

4

С этого момента тень Сергея сопровождала нас всегда. Куда бы мы ни ходили, что бы ни делали, что бы ни смотрели, он всегда был третьим.

О чем бы мы с ней ни разговаривали, мы всегда это соотносили с тем, что бы подумал об этом Сергей. Она с ним говорила по телефону, а я учитывал его мнение о ее поведении. Он ревновал ее к нашим с ней отношениям, которые она называла для него только рабочими. Но он ревновал обоснованно. Хотя мы только и делали, что говорили о нем, все же она была со мной, а не с ним. А это говорит о многом.

И в другой мир ему тоже ее отпускать не хотелось. Хотя и в их собственном у него было множество поводов для ревности...

Пока она не закончила работать в магазине, она постоянно продолжала обрастать в нем мальчиками. Откуда они только брались в этой деревне пенсионеров! К ней приезжали специально гастарбайтеры, работающие на отделке отдаленных дач. Она стояла с ними на улице и курила. Я один раз прошел мимо... Так я узнал, что она курит.

— Только родителям не говорите, — сказала потом она.

— Да мне и незачем...

Но, взявшись за свое поучительство, я и безучастным остаться не мог. Мне надо было только сделать замечание корректно.

— Что бы Сергей сказал?

— О да, он мне не разрешал курить...

— И видимо, делал правильно?

— Когда надо, брошу.

— Тебе же рожать...

— Если когда-нибудь надумаю рожать, брошу.

— Ничто не проходит бесследно... Твое здоровье нужно не только тебе...

А в тихий час как-то вечером у камина поведал ей свою сокровенную тайну.

— Знаешь, так получилось, что у меня, три раза женатого за всю свою жизнь, нет родных по крови детей. В юности я не напрягался по этому поводу, не обращал на подобное обстоятельство внимания, все равно ведь дети были мои. И все хлопоты, и все радости, связанные с их воспитанием, я имел в избытке, и они были моими. Но с возрастом как-то осознаешь, что это многое значит — своя кровь. И что значат аборт, в согласии на которые я тоже ведь преуспел, отделившись, получается, как раз от детей своих собственных... Потому-то я так и пекусь и серьезно отношусь сейчас к вопросу о материнстве и продолжении рода. И поэтому-то мне так симпатична, как бы там ни было, ваша семья.

Но что бы ни происходило, через неделю она, вернувшись со встречи с одноклассниками, с юбилея их выпуска, куда ходила в новом костюме, возмущенная, раздраженно заявила:

— Друзья мои не воспринимают меня серьезно! Говорят, ты стала чужая. Они меня не понимают! А я люблю своих друзей ...

— Ты трусишь, — ответил я. — Ты просто боишься, что тебя не смогут оценить в другом, незнакомом тебе кругу, где потребуются данные другого плана, чем кулаки, и ты потеряешься, оставшись в одиночестве без своей стаи, обретению авторитета в которой ты отдала столько времени. Ты боишься нового, как последняя трусливая тупица!

Но в то же время надевать костюм она не перестала, и время от времени я в нем ее видел.

А потом опять возвращалась от подружек и говорила о том, что они решили с девчонками создать коммуну, где будут рожать общих детей, совместно их воспитывать, работать в общий котел, и никаких вероломных мужчин. О том, что она решила стать лесбиянкой. И всякий подобный бред. Хорошо еще, я отговорил ее от пирсинга.

Говорила, что будет жить только до сорока, пока красива, а потом все. Толстых и некрасивых она ненавидит. Уже хорошо, что она оставалась девственницей, и это удивительно, что она ею оставалась при всем окружении, всех ее подружках, считающих: «что ты, как дура, всюду носишься со своим Сергеем?», когда половую жизнь начинают с тринадцати лет, а то и раньше, а не имеющих половых отношений с особями другого пола или даже своего поднимают на смех. Это считается стыдным, девственности все стесняются. Одного этого было уже достаточно. Слава Богу, хоть это. Школа семьи.

5

— Сергей это бы не одобрил... — искал подтверждения своей правоте я. — Знаешь, есть такая поговорка: если сучка не захочет, кобель не вскочит. Так вот ты провоцируешь всех на последнее, и уходишь, порождая агрессию, а потом начинаешь думать об угрозе изнасилования, начинаешь заниматься карате и посматриваешь по сторонам, держа себя начеку и заявляя, что в этом мире жить тревожно. А почему не начать с того, чтобы не раздражать людей?

— Специально я никого не раздражаю.

— Нет, ты просто дожидаясь, когда тебе придется при покупателях наклониться за ящиком пива и тогда твоя голая грудь из глубокого декольте выскочит.

— Это случайно, — посмеется она.

— Ты ведь никогда не видела своего выражения лица, когда при выходе из машины твой легкий топик ветер задирает вверх, и все это происходит на глазах водителей в автомобилях, стоящих в очереди на заправку или перед светофором на перекрестке.

— А что за выражение?

— Ты себя от неожиданности не контролируешь в первый момент, и поэтому выражение непосредственное. Но ты, наверное, думаешь, что это у тебя там стыд, да? И ты краской так и залилась?

— Нет, ну не краской, но первая реакция это, конечно, испуг.

— Восторг — вот твоя первая реакция!

— Это вы меня специально смешите?

— Нет, я отследил это неоднократно, как это у тебя происходит в подобных ситуациях. Понятно, восторг, сопряженный с испугом от неожиданности, но все равно восторг. На твое лицо даже смотреть приятно, оно просто вдохновенное. Если, естественно, кто-нибудь из окружающих в этот момент на твое лицо смотрит.

— Здорово. Надо будет понаблюдать за собой.

— Да не стоит. Далеко ходить не надо. Посмотри выступления девушек из варьете. Они тоже иногда там топлес танцуют. — Так вот я к чему: покрутила ты грудями и убежала, полная восторга и веселья. А ведь мужики затаились. Им ведь твои груди понравились, и им хотелось бы их заполучить.

И вот тебе расскажу как пример противоположного о себе. Помнишь, я тебе для подтверждения своей неагрессивности привел шуточную песню Высоцкого про сентиментального боксера? Про такого придурковатого? Но ведь это еще и серьезно. Ты вот агрессивна, лидер, жаждущий побед и уничтожения соперников, — и тебе не везет, все время неудачи, все время драться, решать проблемы приходится, все время тебя угрозы подстерегают, несчастья, травмы и т.д. А вот меня — нет. Я не агрессивен, никогда не был лидером, по крайней мере не стремился быть лидером, никогда за место под солнцем специально не боролся, сознательно не уничтожал других и всегда мучился вопросом: а имею ли я право одерживать победу — этикие вечные досужие и ненужные интеллигентские рассуждения — а имею ли я право, скажем, иметь эту женщину как жену? И можешь обратить внимание: я не думаю об угрозах, меня они как бы не касаются, и у меня ряд совсем другой. Несчастья не притягиваются. Что-то в этом содержится... Я не навязываю свой стиль жизни, но порассуждать имеет смысл... Не то что нет неудач, но нет именно агрессивных вещей, с угрозой смерти, не было у меня в жизни бандитов, я ни разу не ломал костей, не сворачивал шею, а ведь занимался бобслеем, прыжками с парашютом, на охотах тонул, блудил в своих

путешествиях, попадал в передряги, но всегда выносила кривая. А знаешь, как я начал свой бизнес?.. С теперешней точки зрения, это вообще анекдот... В советские еще годы я приехал в Грузию за поддержанной машиной. Тогда в союзных республиках определенные легковые машины стоили дешевле, и я взялся купить ее для перепродажи. И, как умная Маша, собрал по всем друзьям и родственникам денег — тогда это большие деньги были, сумма, равная пяти годам средних зарплат инженера, — запихал их в сумку, прилетел в Тбилиси, вышел из аэропорта и, как идиот, сразу заявил о цели своего приезда шоферу такси. Согласись, что более глупо я повести себя не мог, имея деньги с собой. В теперешнее время я бы так не сделал уж точно. Но я не знал совершенно, как что делается. Где, как купить, я руководствовался только слухами, что в Грузии дешево. А приехав, полностью растерялся. И что ты думаешь? Таксист для ночевки завез меня на какую-то окраину Тбилиси в частный сектор, в частный дом, полный людей, этакая «малина», тюфяки и раскладушки, к какой-то однозубой старухе-Яге, и она еще не хотела меня принимать, у нее полно было и без меня приезжего люда, не говорившего, кстати, еще абсолютно на русском языке, и положила, за неимением больше места, меня в постель к армянину, с которым я спал всю ночь валетом под одним одеялом! Подложив сумку с деньгами себе под подушку. Представь ситуацию! Это вообще анекдот!.. И что же ты думаешь?.. Утром таксист, пусть он и ободрал меня до этого по своей спекулятивной таксистской привычке, в соответствии со своим обещанием приехал за мной и увез к человеку, к какому-то комсомольскому секретарю райкома, который горел желанием продать именно такую машину, какую я и хотел. И я ее у него спокойно купил и спокойно, подчеркиваю это, без проблем передал в свой город. И даже по дороге через Дарьяльское ущелье со мной ничего страшного не произошло.

Мой приятель издатель, хозяин того издательства, в котором я сейчас иногда печатаюсь, и которое, как все издательства, сейчас постепенно умирает, задыхаясь от наплыва возможностей Интернета, очень опытный человек в бизнесе, едва ли не первый частный издатель постсоветских времен, еще и ученый, кстати, профессор статистики, напечатавший не одну книгу о состоянии отечественного предпринимательства, автор многих исследований и оправда-

вшихся прогнозов, с завистью иногда смотрит на мое предприятие, не очень крупное, но все же достаточно стабильное, и, имея в виду, конечно, меня, говорит, что дуракам везет... И ведь где-то он прав... Дураки неагрессивны, и удачи им чаще прощаются...

И ведь женщин своих, нравящихся мне, я всегда отпускал. Никогда не боролся, никогда не завоевывал. Всегда считал, что мои соперники меня лучше...

— Как вы тогда женились-то три раза в таком случае?

— А вот не знаю, брал терпением, преданностью, ожиданием... — Неагрессивность мне всегда и помогала. Я сам иногда удивляюсь, но именно она меня и хранит. Выручает. У тебя же все наоборот. Вспышка агрессии, а потом расплата. Мне повезло с характером, или, может быть, с воспитанием, тебе — нет.

— Да, я вот даже в зубном кабинете дерусь. Если больно, так могу врача сразу ударить. Мама со мной к зубному ходить отказывается. — А папа всегда говорил, что нельзя показывать свою слабость. А папа всегда говорил, что нельзя показывать свою слабость. А папа всегда говорил, что нельзя показывать свою слабость. А папа всегда говорил, что нельзя показывать свою слабость.

— Вот за то тебе и наказание, то травмы твои, то необходимость зубы лечить. Кстати, частые наркозы всегда на зубах отражаются. А запустить их нельзя, это же пропадет такая очаровательная улыбка!

— А Надька, подруга моя, — продолжала она по инерции уже думать и вспоминать самостоятельно, — когда мне брови выщипывает, руки мои за спиной к стулу привязывает...

— Да уж! Не подарок судьба, конечно... Но зато ведь как в заправском боевике, согласись?..

drugu

«Чекирить» — это у них выслеживать детей, это со стороны родителей и, видимо, от ЧК. А «ныряться» — от «нырять», прятаться, это, напротив, со стороны детей по отношению к родителям.

6

— Ты понимаешь, что значит динамит? — задал я ей однажды вопрос, постоянно все же возбуждавший мое любопытство. — Как вы обходились с твоим Сергеем без близких отношений? Как это вас миновало? Ты же говоришь, вы с ним знакомы были три года...

— Да, три года будет...

— В теперешней-то жизни, когда все так просто... И потом, ведь отказ от этого тоже агрессия. ...А твои двести пятьдесят номеров телефонов?..

— Это сейчас уже опять накопилось, после ухода Сергея в армию.

— И всем ты отказываешь?

— В чем?

— В близости.

— До этого не дохожу.

— Но ведь кто-то ждет, надеется, ты поощряешь, морочишь голову... Может, шведская любовь?

— Что это?

— Понятно... Неважно. А что такое динамит, ты знаешь?

— Слышала.

— Понимаешь значение этого слова?

— Понимаю.

— То есть существует момент, который венчает все отношения мужчины и женщины, и отказ мужчине в этих отношениях и называется «динамит». «Она прокрутила ему динамит». Красивым женщинам очень легко впасть в этот порок из-за своей красоты, стать динамисткой, и своим отказом они раздражают мужчин. Вызывают в них обиду и досаду. Ненависть даже. Красивые женщины всецело крутятся в потоке любви и ненависти. Помни про свою бабушку.

— Вы уже говорили об этом..

— Твои двести пятьдесят телефонов... А некоторые ведь могут искренне любить. И представляешь, сколько ты на свою голову, динамя их, обрушиваешь недоброжелательств?

— Я им ничего не делаю плохого.

— Кроме того, что морочишь голову.

— Но ведь есть и другие, дружеские, отношения с ребятами.

— Не знаю, как Сергей, может, это из вашего детства идет и у него другое отношение к тебе, этакое трепетное, но по поводу оставшихся твоих сверстников, извини, вот тут позволь уж мне быть циничным. Других отношений у вас нет. По крайней мере в вашей среде ПТУшников между парнями и девушками дружбы просто быть не может. Стендаль, например, о любви людей даже

не ПТУшного плана и то отзывался крайне сурово, несмотря на то, что умел красотей наговорить; он писал, что те отношения, что существует между мужчиной и женщиной в виде дружбы, есть либо сама любовь, либо ее начало, либо остатки любви. И другого не бывает. У ваших же ПТУшников только секс, только похоть, от неудовлетворения которой ребята звереют.

— Но так же не может быть!

— Ты просто хочешь, чтобы так было. Тогда тебе безнаказанно можно получать удовольствие от восхищения собой, раздражать всех своей красотой, купаться во всеобщей любви и ничем не расплачиваться, называя свои удовольствия только дружбой... Но это и есть провоцировать агрессию...

— Я никому не делаю зла, плохого, я со всеми мило общаюсь. Да они и рады, что я с ними разговариваю. СМСки посылают, стихи...

— Но они же хотят чего-то еще.

— Ну, я же им приятное делаю, что с ними разговариваю.

— Но они же хотят большего.

— Это уже их проблемы...

— Ты же иногда целуешься.

— Да. Поцеловаться я еще могу.

— А ведь ребята по-другому устроены. Этого им, в конце концов, мало.

— Эти их трудности меня уже не волнуют.

Это заставило меня только улыбнуться.

— Подожди, вот станешь взрослой женщиной, войдешь в бальзаковский возраст, эти трудности коснутся и тебя, и тогда вспомнишь, скольких ты парней обидела в юности.

— Наоборот, я им скрашиваю жизнь.

— Отчасти да. Но редкий человек поймет твою красоту как скрашивание жизни, в основном все будут желать быть ее собственниками... Мужчины будут всегда тебя хотеть. А ты им даешь надежду, а потом отнимаешь. Это и называется динамитом, а приличными словами — кокетство. Сознательная же кокетка — это стерва. Ты когда-нибудь задумывалась, что людям больно, когда ты им отказываешь, когда вынуждена отказать, что ты им отказом делаешь неприятность?.. Причем, ты-то отказываешь с удовольствием. И что своим подчеркиванием выпуклых частей своего тела ты

только дразнишь их? Когда хочешь просто дружить, показываешь, раскрываешь душу, тогда нет агрессии. А когда показываешь тело — любят за тело, и чем больше ты показываешь тело, тем больше желаний и агрессии вызываешь на себя.

Ты красива, у тебя свой путь. Неси красоту с достоинством.

podruge

...Может давить на спине прыщи своему мальчику или братику, увидит — а ну иди сюда... Пить сырую воду из-под крана, обхамить кого-то в магазине, обсчитать в пользу магазина покупателя, и бесполезно объяснять ей, что так нельзя, она искренне удивится, ведь это магазину на пользу. Если задела ее самолюбие, может вести себя крайне развязно, разнузданно, неуправляемо, скандально.

Все это грубо, мерзко, противно и выглядит как поведение шлюхи или проститутки...

drugu

Я ей говорю, каждый мужчина будет стараться тебя заполучить в постель. Потому что такие формы только у определенного сорта женщин. Живот у нее плоский, грудь высокая и полная, зад просто вселяет в каждого мужчину похоть. Тело во многом диктует жизнь. И такое тело, как у нее, просто диктует женщине стать шлюхой. Даже трудно с такими формами не стать ею. Не знаю, как ей удастся устоять. Поскольку в голове у нее только мальчики. Как мне удержать ее на нужном варианте? Без образования она будет однозначно проституткой.

Но если уж быть таковой, если уж жить мальчиками и жить впечатлением, какое на них производишь, а это крепко в ней забито, то хотя бы не быть просто подзаборной давалкой, а быть гейшей, гетерой, образованной, развитой, свободной женщиной. Было бы хоть какое-то оправдание. Или еще ее может спасти, я думаю, сцена. Она ведь хорошо танцует, пластична, от Азии пошло умение в танце живота. Но для сцены, даже самой провинциальной, тоже нужно образование, надо опять учиться.

Я ей пытаюсь давать читать и все время настаиваю на высшем образовании. Но она отмахивается. Она ленива. И потом мальчики ее отвлекают.

Тем не менее она часто делает о жизни неглупые замечания. Даже по поводу тех же книг, которые прочла. И постоянно занята сопоставлением себя и людей и наблюдением за окружающим. Такое обещающее начало...

И я так попался уже на ее воспитании, что не знаю, кто больше в ком нуждается, она во мне или я в ней?

7

В январе я надолго выбрался в Москву. И там понял, насколько к ней привязался; я по ней скучал каждый день, думал, томился. И понимал, что все у меня пошло прахом, вся моя размеренная жизнь, весь налаженный ритм жизни под вопросом. Я на пороге того, чтобы опять влюбиться и, как всегда у меня и бывает, слететь с катушек. Я торчал в Москве, был занят издательскими делами, проводил время в своей конторе и ждал только дня, когда уеду. Вопрос, надо ли это мне, я уже не решал, о том, надо ли мне это себе позволять, — ведь вполне можно было бы себя обезопасить от страданий только по поводу одной разницы в возрасте, себя предохранить, — я уже не думал. Страсть схватила уже меня своей мозолистой рукой.

Вернувшись в деревню, увидел, что и она мне обрадовалась тоже. Причем искренне, непосредственно. Понял, что мы скучали с ней друг о друге оба. И понял, что обратной дороги уже нет. Придется отработывать, расплачиваться. Придется, как все в жизни, как все подобные опыты, претерпевать.

А насчет поездок в Москву решил: в следующий раз обязательно возьму ее с собой.

Послал ей по Интернету стихотворение Пушкина «Мне не к лицу и не по летам, пора, пора мне быть умней...» — у которого всегда есть что-то на любой случай твоей жизни, и каждым словом, когда набивал ей текст на клавиатуре, будто забивал гвозди в свой гроб.

«И в этой глупости несчастной
У ваших ног я признаюсь...»

И внезапно созрело решение увезти ее куда-нибудь далеко. На востоке страны у меня было отдаленное сырьевое производство,

которое требовало моего присутствия хотя бы раз в полгода. И я надумал увезти ее туда, чтобы заняться ее воспитанием всецело. Без каких-либо уже помех и посторонних неучтенных влияний в виде ее подружек; чтобы изолировать ее от ее стаи, чтобы она была полностью в моей власти и не подвержена искушениям отступления. Чтобы законсервировать ее агрессивность намертво. О своем намерении ехать я заговорил еще задолго, но не знал, как подвести, я не думал, что она поедет и что ее отпустят, но неожиданно до меня дошла информация, что в недрах их семьи этот вопрос уже обсуждался.

— Мне надо ехать в командировку, ты не поедешь?

— Родители уже спрашивали меня: Александр Борисович берет тебя с собой?

— Как? То есть они заранее тебя уже отпускают?

— Да.

— С чего это, у них что, крыша съехала?

— Но ведь я у вас работаю.

— А им не приходит в голову, что отпускают тебя с мужчиной?

— Они вас очень уважают, считают вас единственным правильным, встреченным ими в жизни человеком.

— Ничего себе доверие. Слишком много обязательств...

— Считаю, что вы оказываете на меня хорошее влияние. Мама даже сказала, что я стала спокойнее и лучше себя веду, не огрызаюсь, и со мной стало можно поговорить. И вы отговорили меня от пирсинга...

drugu

В самолете я положил ее голову себе на плечо. Этак бесцеремонно, с шутовой бесцеремонностью, чтобы спала. И она оставила на моем плече голову. А я просто весь сжался. До этого я думал, что меж нами ничего быть не может абсолютно. Правда, она поцеловала меня в щеку, которую я ей указал пальцем, после того как вручил ей новогодний подарок. А тут мы летели ночью, и я видел, что она клонится головой вбок, засыпая, и положил ее голову себе на плечо. И она не стала противиться, лишь поудобнее устроилась и так и спала весь рейс на моем плече. У меня же вылетел весь сон. Я был просто счастлив. Счастлив, как не был уже счастлив не один десяток лет. Мне такие мысли, такие надежды, такие

мечты полезли в голову, что ни о каком сне не могло быть и речи. Под конец так размечтался, что угрызения совести охватили. Только от одних мечтаний и надежд.

Вот что значит в нашем возрасте позволить себе опять любить!..

Господи, какая мука, какая трагедия любовь с разницей в огромное количество лет! Когда себе позволишь думать о девушке не как о чем-то неосуществимом. Или когда смотришь на себя в зеркало, думая о том, что ты ведь не можешь понравиться девочке!

Я же ей даже в отцы не гожусь! У меня же дочь в полтора раза старше!

Когда еще и знаешь прекрасно:

Не совращай малых сих!..

И если кто соблазнит малых сих, тому лучше было бы, если бы ему повесили жернов на шею и бросили его в море...

Глава 2

1

podruge

Я попадаюсь. Я влюбляюсь. Я чувствую это совершенно отчетливо. Такое у меня происходит, может быть, не знаю, раз в десятилетние, о нашей с тобой юности мы уже не станем говорить, но в течение взрослой жизни у меня это было раза два-три, и все кончалось женитьбой. Я вдруг ощущаю, что это для меня судьба, жизненно важное, одно на всю жизнь. Как будто до этого не было ничего. Как будто это впервые. Хотя и не обманываешься, знаешь, что это повторение, и знаешь, что это все суета, что пустое, и нам ли, умудренным, в это попадать, но оттуда, куда попадаешь, все видится иначе, видится как откровение, и ты понимаешь, что просто невозможно от стихии уйти. Приходится претерпевать. Надо пережить. Да, это тебе ниспослано. Терпи. Ведь это так редко. В то время, когда ты уже забыл, что это и как. И я понимаю, что я себе позволяю, что это бред, в моем-то возрасте любовь — вполне мог пересилить и отнестись просто как к потребности тела, как к испытанному, я ведь понимаю, что это либидо, что я давно не был с кем-то и так далее, что все это половое и игра гормонов. Но позволяю, причем переплавляю это именно в любовь. Которая еще и обязательно будет трагична. Это уж определено. Как всегда. Накладываю на себя обязанность нести этот крест. Злорадно думая

уже, что если уж влечение, если грех, седина в бороду и бес в ребро, так уж расплачивайся по полной программе. И именно любовью. И уж, конечно, расплачусь. Это неизбежно...

А ведь уже привык без влюбленности, и даже покойно и комфортно себя чувствуешь, счастлив в покое своем, а как представишь, что предстоит!.. И это тебе надо? Задаешь себе вопрос: тебе это надо? Но не отвечаешь. Что можешь ответить? Судьба. И хотя знаешь, если позволять, то столько можно уже было навлюбляться, столько могло быть таких влюбленностей, только разреши... Но ведь нет, сам же и понимаешь, что наговариваешь. Что так понавлюбляться не получится. Хоть как позволяй, не получится. Так влюбиться от тебя не зависит, не зависит от того, есть ли у тебя сейчас семья и одинок ли ты, такая влюбленность сама выбирает время, на тебя она внимания вообще не обращает, на твою готовность, на твоё желание или нежелание, это дается Богом. Богом ли? Не знаю. Но какой-то огромной силой. Amor Deos? Может быть, так. Но от нее не уйти.

Мы как раз говорим с ней на эти темы, на самые сокровенные, уже забытые мною во многом темы, и оба находим радость в обсуждении всех тех тонкостей, что сопутствуют взаимоотношениям между мужчиной и женщиной. О механизмах любви и ревности. Механизмах застенчивости и откровенности. Как действуют они, какой в них затаенный смысл. Нам радостно вспоминать общее в нас двоих и делиться опытом, говорить о тех переживаниях, какие есть у нас за плечами. А самое главное, независимое от возраста, что может быть всегда общей темой и что нас влечет друг к другу, — это наше общее понимание и убежденность, что на самом деле только уроды двигают науку и искусство, потому что они не могут жить той, другой жизнью, им не дано. И в то же время, будучи уродами, все равно постараться жить той, другой жизнью, жизнью неуродов. Иметь тело шлюхи, понимать, что все равно тело определит всю твою жизнь, и стараться прожить жизнь, не став ею. Понимать и свято верить, что бытие определяет сознание, — и не поступать так, как велит бытие. Быть циником, видеть мир с совершенной трезовостью — и совершать идеалистические поступки. Быть хорошим

учеником и последователем дарвинистов и материалистов и в то же время любить красивую теорию Ламарка и то, что Бог создал мир за шесть дней. Бояться в любви неперемного, обязательно присутствия боли и страдания — и все равно любить! Позволять себе, даже заставляя себя страдать — и любить. Любить! Видя тщетность и ненужность знаний, образования и культуры, все равно стремиться к культуре. Быть обманутой тысячу раз, но все равно продолжать доверять людям. Видеть, что тебя любят и ценят только корыстно, из практических соображений, — и все равно искать бескорыстной любви, не успокаиваясь, не отчаиваясь, не делая поспешных выводов. Убеждать себя, что надо жить страстями и чувствами, не думая, не рассуждая ни о чем, и все равно думать и в каждый момент даже самых сокровенных чувств и движений постоянно наблюдать за собой, за тем, что ты в данный момент ощущаешь, постоянно помня строку философа: «Что думаешь в такое время, когда не думает никто?»

Так с ней в этом интересно...

podruga

Я дал ей прочесть под чужим именем повесть про тебя, и она пришла в восторг и заговорила, что она тоже хочет такой же любви, такой дружбы. Просто вдохновилась. Правда, если быть честным, то в большей степени вдохновяясь практической стороной дела, найдя себе пример того, как можно купаться в любви других людей и не нести никакой ответственности, называя это дружбой, и ни за что не отвечать и ничего не давать взамен. Этакая стержность. Но папалась и на какую-то романтику тоже, не без этого... Хотя для того чтобы обрести в жизни такую любовь, такие отношения, чтобы отстоять любовь-агапе, обратить половое влечение в дружбу, надо самой быть предрасположенной к ней. Пока она, как все ПТУшники, одержима только борьбой за первенство, желанием нравиться и желанием собственности.

И еще ей нужна только дружба, чтобы не было больно. Смерть любимой сестры, которую она любила больше всех в мире, заставила ее пересмотреть отношение к влюбленности...

Это вообще ужас какой-то: чтобы не было страха за человека, оттого, что он может умереть, чтобы не было боли, она дума-

ет теперь запретить себе любить совсем. А ведь она воин. Она может и запретить, запретить себе все что угодно и любить не станет. А это катастрофа. Запретить себе любить — это уже что-то демоническое. Это как в индуизме, закрыть сердечную чакру, что бы там ни было, это того не стоит. Она тогда будет просто монстр. В милом облике... Превратится в стерву по-настоящему.

Она очень любила свою сестру. Она даже прощала родительское предпочтение ей. Ты бы видела, как она с юмором говорит об этом:

— Я принесу какую-нибудь сплетню, матерщину или ссадину, меня отлупят. А принесет Маша, ее пожалеют.

И смеется. Она на самом деле считала свою младшую сестренку лучше себя.

А кстати, у нее есть и слух, и хороший голос, тихий, но красивый, вкрадчивый, а родители ее убедили, что голоса и слуха у нее нет абсолютно, и всегда морщились и махали руками, когда она принималась что-то петь. Вот так родители и формируют в детях комплекс неполноценности...

А я говорю ей:

— Наташа, тебе надо себя ценить. Ты как будто все еще не вышла из детства, когда девочка после осознания того, что она может нравиться мужчинам, не может остановиться, чтобы не кокетничать, что со стороны кажется жуткой распущенностью!..

Но ведь она взрослая! И не дурнушка!

Я не знаю почему, но я чувствую, что несю за нее какую-то ответственность. И обязан постараться не дать ей превратиться в чудовище, какие в большинстве вырастают в этом новом мире подзаборных ценностей.

У них даже песня появилась «Я устал, хочу любви... Да так, чтоб навек... А ты хочешь секс... Я устал, иду домой... Смотреть про любовь... Немое кино...». Даже ими самими это чувствуется.

Буду, Иришка, в твоих краях, заеду, и может быть, и ее привезу...

Охотник. Отдельное

okhotnik@pisma

Девочка моя!

Ты никогда не увидишь этих записей. Они написаны не для тебя. Может быть, я и напишу о тебе когда-нибудь что-то подобное, и ты

вместе с друзьями прочтешь какую-нибудь мою повесть о себе. Может быть, я и назову ее даже так пошло и сентиментально: «Моя девственница». Но именно вот эти строки так и останутся для тебя тайной. Потому что зачем тебе знать о терзаниях моей души и зачем тебе знать истинную подоплеку всех моих бескорыстных красивых побуждений.

Я никому этого никогда не скажу. Даже себе постараюсь не говорить. Но я всегда знал, что делаю. И я делал все сознательно. Со стороны может показаться, что это только забота о тебе и твоей красоте, о твоей природе и что это только порыв и бескорыстие. Да и на самом деле, это были и забота, и порыв, и бескорыстие. И та благородная цель, к какой я тебя вел, вкладывая себя в воспитание, тоже была. И я все старался делать нерасчетливо. Но я все равно все это делал *для себя!* И для себя тоже! Я не верил, что ты можешь быть моею, и я понимал, что этого не должно быть, что это неправильно, несправедливо, что нельзя тебе связывать жизнь с человеком на столько лет тебя старше. Но где-то в глубине души все время гнездилась уверенность, что ты все равно будешь моей, что я приложу все старания, и ты все равно ко мне придешь и без меня жить не сможешь.

Я наставлял тебя против мальчиков и их половой агрессии, объясняя тебе механизмы их влюбленности, но сам хотел быть таким твоим мальчиком. Я оберегал тебя от распутства, но сам хотел окупиться с тобой в этот омут распутства. Я защищал тебя от Москвы, но и сам хотел быть твоею Москвою...

— Как тебе в бизнесклассе? — спросил я ее в самолете.

— Конечно, шикарно. Но лучше бы летели в экономе. Ненужное расточительство.

2

И в один прекрасный момент я понял, что самым подкупающим в ней, при всей ее драчливости, стервозности и неуправляемости, была ее невинность. Именно это было самым главным пунктом, именно это влекло к ней больше всего, именно то, что она была невинна, как чистая доска, на которой еще ничего толком не было на-

писано. И на которой можно было писать все, что заблагорассудится. Легко стирая какие-то мелом набросанные бессистемные глупости, взамен выстраивая мощные фразы и предложения. Я находился в упоении. Ей можно было, например, внушить привычку любить немолодого человека, покоровившего ее своим умом и знанием жизни, и она совершенно не подумала бы о том, что это в каком-то плане может быть неуместным, осуждаемым или неприличным, порочным даже; и даже при том, что морщины у него могут быть на лице и голова седая. Если бы она полюбила, это значения уже не имело бы. Это я четко прочувствовал, ее повлекло бы к нему духовно. Она же была Маугли. Никакого фона прошлого или общественного мнения для нее не существовало. Она была непосредственна. Ей и в голову бы не пришло посчитать эту ситуацию порочной или двусмысленной. Не было ничего, что бы ей сказала о ее двусмысленности. Она вся жила бы этим любимым ею человеком. Она находилась в той поре, когда, только вырвавшись из-под деспотизма своего парня, на которого она потратила всю свою юность, она была на перепутье, будто только родилась. На нее одинаково мог влиять серьезный содержательный человек своими рассуждениями, своей непохожей на ее насыщенной жизнью, опытом, своими поступками, увлекая ее за собой, и несерьезная, легкомысленная, но тоже любимая подруга, только тем, что у нее такая же одинаковая с ней поселковая жизнь, одинаковые проблемные отношения с их мальчиками, и она одного с ней возраста. И все потому, что она вошла в период, когда созрела для взрослой жизни, и страстно ждала, наконец, какой картине мира отдаться. Тело ее, ее молодость, ее невинность просто ждали, кому принадлежать и чье мировоззрение сделать своим, и какую картину мира сделать навек собственной. Она на самом деле была девушка с необитаемого острова. Завиднейшая ситуация, чтобы создать женщину для себя. Я не мог не купиться, не мог устоять. И хотя чувствовал, что ее податливость возлагает на меня еще бóльшие обязательства, невольно начал ее лепить по своему собственному образу и по своему подобию. Строить, делать, обтесывать... она не упорствовала, она, несмотря на наружное сопротивление, очень поддавалась. При всей ее власти ей хотелось поддаваться, ей нужен был только очень сильный авторитет. Она вождела отдать свой дух в чьи-то руки. Это деланье под себя происходило невольно. Я учил ее, я вдвухвал

в нее душу, давал ей высокие и серьезные истины, серьезнейшие мысли, совершенно бескорыстно и на порыве, видя ее способности и ожидание, но задним умом я все равно понимал, что это я подличаю, что это я ее под себя готовлю, для себя делаю. Потому что знал, что без меня она с этими мыслями уже не сможет существовать, никого она в своем окружении не найдет соответствующего этим мыслям, только я или такой же, как я. Я догадывался, что я ей буду всегда нужен. Не важно в каком качестве, но нужен. Понимал, что она должна будет вернуться ко мне, ей без меня будет одиноко. Мысли мои ее все равно ко мне приведут. Раз она начала исповедовать мои религии и смотреть на мир моими глазами. Непосредственность ее была очаровательна. Учить ее было наслаждение.

И в то же время я продолжал выдавать ее замуж, потому что был убежден в своем выводе об агрессии, и, слушая как она разговаривает со своим милым по телефону — уже по моему телефону с безлимитным тарифом из восточной части страны, — как она употребляет ласковые слова и нежные выражения (издалека она всегда была с ним ласкова), я усиливал, развивал и поддерживал в ней мысль, что это ее судьба, и сам вдохновлял себя их любовью. Мне, посвятившему жизнь борьбе с собственностью, с этим чувством собственности, с самым главным препятствием на пути к обретению истины, главной цели сознательного человеческого существования, это было близко и знакомо, привычно даже, это просто даже можно было воспринять как лишнюю тренировку по выработыванию несобственнического взгляда на мир. Как это происходит в сфере чувственной жизни, я, добившись покоя и слаженности в своих интеллектуальных занятиях, порядком подзабыл. Провидение послало мне еще один экземпляр. Еще одно испытание. Лишний раз заставило задуматься о том, почему мы просим и молим только о наслаждении. Молим Бога дать нам только наслаждение. Наслаждение и удовлетворение. Эгоизм и собственность. Предстоял опять опыт отработки борьбы с собственничеством на себе.

3

В том городе, где было мое производство, у меня была трехкомнатная квартира. В мое отсутствие там жила пожилая женщи-

на, чтобы содержать в порядке дом и вовремя платить квартирную плату. Она же убирала, готовила и стирала мне белье, когда я задерживался в городе для работы надолго. Туда я и привез Наташу, поселив ее под боком.

Но вместо того чтобы, как планировалось, подчинить ее своему влиянию и оказать какое-то благоприятное на нее воздействие, невольно попал под ее влияние сам.

Как молодость может быть непосредственна в своих проявлениях растительности! Как она может быть заразительна! Как восхищаешься тем, что она может есть цыпленка гриль в лаваше просто руками. Целиком бройлерного цыпленка, приготовленного на гриле и завернутого в простынку лаваша. Прямо в машине. Как она еще может и преподать урок, что нужно отщипывать мясо пальцами через лаваш, захватывая кусочек мяса вместе с кусочком лаваша, макать отщипнутое в соус и с таким завидным проворством отправлять отщипнутый кусок в рот, что поневоле самому захочется то же самое попробовать.

Как она могла в кинотеатре, даже на вполне серьезном, не обязательно на каком-нибудь модном легкомысленном фильме настолько увлечься содержанием, что хватала тебя за руку. А потом после просмотра еще и сделает очень много разумных замечаний, еще и покритикует себя заодно при похвасте или, наоборот, за отличие от главного героя, что крайне расположит к ней.

С каким наслаждением и с какой серьезностью в кафе она будет выбирать себе блюдо в меню и как искренне смеяться, смотря по телевизору какую-нибудь юмористическую молодежную дурацкую программу. И чистосердечно признается, что «Лебединое озеро» ей скучно.

Она очаровала мою домоправительницу своей общительностью и простотой. Та сразу отнеслась к ней как к своему ребенку, стала ее опекать, ласкать и, когда приходила убирать и готовить, суежилась вокруг нее и готовила на кухне пирожки и булочки.

А Наташа просиживала с ней все вечера и с удовольствием болтала о родственниках и жизни в Азии, а домоправительница — про свое блокадное ленинградское детство. Они просиживали вечера напролет, и им обоим было интересно... И ходила она по дому до-

машня, наполнив пространство вокруг простотой, теплотой и семейственностью.

— В какой комнате ты будешь спать? Как ты устроилась? Все у тебя хорошо?

Я звонил ей иногда с работы:

— Все у тебя в порядке?

— О, все в порядке. Я устроилась как дома. Ваша домохозяйка кого угодно заласкает и окружит заботой

— Как тебе она?

— Мы с ней сдружились...

— Как тебе живется?

— Все хорошо. Я себя чувствую как дома.

podruga

Любить всецело полноценных и довольных собой я не могу. Вождельте — да, могу, это по трафарету, но не любить. Чтобы любить человека, мне надо видеть на его лице печать страдания. С одной стороны, потому что я сам такой, а всегда ищешь в жизни похожести, и часто именно это называешь любовью, когда ходишь близкого по духу, мыслям и жизни человека, а с другой стороны, всецело полноценные, счастливые, довольные жизнью люди бессмысленны для процесса познания, они одноплановые. У них нет рефлексии, они не могут смотреть на себя со стороны, смотреть из другой своей ипостаси, ипостаси несчастного, на другую свою, утраченную счастливую ипостась или, наоборот, из времени счастья — на себя, бывшего несчастного. А только это дарует человеку сознание, самосознание, сравнение, сопоставление, являющееся пищей для ума; одноплановое существо лишь пребывает в вечной умственной лени и невежестве, на уровне растительной жизни, как великолепный растительный экземпляр, лишь безмятежно наслаждающийся своим счастьем нахождения в благоприятной почве.

drugu

Так учил Будда, тут я свои комплексы полностью оправдываю, находя поддержку и подтверждение, так учили Экклезиаст, Конфуций, Сократ, Платон, Иисус Христос. Целиком счаст-

ливые люди не идут на путь познания. Их даже не втянуть на этот путь насильно, сами они добровольно на путь знания не станут, они обречены на растительное существование, они обречены прожить во мраке своего непросветления до конца и умереть бездарно и бессмысленно. Чтобы дать, внести искру смысла в их жизнь, если это еще и требуется, их надо вышибать из счастья, из накатанной колеи всякими приемами, какие, скажем, были заведены, по словам этнографов, у магов североамериканских индейцев, но не всегда это нужно и не всегда это кому-то хочется.

podruga

А как мне стали близки, понятны и симпатичны молодые девушки с каким-нибудь недостатком, скажем, с худыми неровными ногами, мучающиеся от своего комплекса в этом современном киношном мире совершенных существ, мучающиеся от этой малости и осознающие себя несчастными. В то время как они имеют все: жизнь, молодость, здоровье, чувства, мыслительный аппарат, небо над головой, солнце, траву, времена года — им, выросшим в этом новом мире, требующем только тела, когда со всех сторон только тело, именно человеческое тело и больше ничего, они не знают даже как жить и страдают. И такую жалость и нежность к ним испытываешь, самим себя не ценящим, за то, что в них, в их телах, кроме недостатков есть еще и глаза, волосы, нежная и свежая кожа, тонкие пальцы или круглый лобок, пушок на шее, свежее дыхание, да и душа, наконец, и так хочется их приголубить, и увести за собой, и любить...

Она меня делает распутником. Я снова стал засматриваться на девочек, ценить их прелести, обмениваться игривыми взглядами с официантками и балагурить с продавщицами в магазине или женщинами в гардеробной лишь только для того, чтобы сделать им приятное. Это на меня не похоже, но это всегдашний показатель того, что я опять взялся любить...

А недавно посмотрел на себя в зеркало в ванной и себе понравился. Можешь себе представить? Такой бодрый, веселый и полный сил. И ты знаешь, у меня пропали все открытые было мной в последнее время у себя «хронические» болезни.

Дорогие мои сотрудники. Если кто-то скажет, что по проществу трех месяцев мне стало легче, он ошибется. Оказывается, у нее не только отец боксер, оказывается, у нее еще парень есть, который сейчас в армии, и который ее страстно любит, и ревнив до умопомрачительности, и который вообще может пристрелить. Так что я окружен со всех сторон. По-моему, самое время для меня вернуться к вам на работу. То-то попыю вам крови...

4

Работа на Востоке у меня заключалась, в сущности, только в проверке. Правильно ли крутятся колеса. Не сильно ли зарываются нанятые директора. Не слишком ли разбух штат, не много ли нецелевых трат. Правильно ли построена структура управления.

Когда не особенно одержим предпринимательским делом, когда, отдав должное в свое время жадности и страсти к росту капитала, ты остыл и сделал свое предприятие только источником дохода, худо-бедно чтобы кормил тебя, родственников, детей и давал возможность заниматься еще каким-то делом, без честолюбивых мыслей стать обладателем несметных счетов в банках, кого-то догнать и перегнать, получить власть, управлять социальными процессами в мире, когда не имеешь цели стать денежным мешком, как Ротшильд, тогда не особенно скардничает, не особенно строго следишь за тратами и размером командировочных в своей конторе, да и вообще на многое смотришь сквозь пальцы. Не особенно стараешься верить наущничеству, успокаивая себя рассуждением, что если и воруют, то не чужие ведь, а свои люди. Не особенно въедливо относишься к промашкам и обнаруженным в производстве недостаткам. Не хочется наказывать и не хочется тормозить, чтобы не обретать лишних хлопот, заключающихся в том, что тебе ведь потребуются новые люди... Хотя всегда помнишь фразу Тургенева из «Записок охотника», где старый дворовый человек рекомендует несмышленому барину ни о чем не тужить, жить-поживать себе в Москве и только старосту менять почаще. Но не решаешься, лень-матушка. Закрываешь глаза на превышение полномочий или мелкие ошибки, даже стараешь-

ся не видеть. Это, конечно, риск. Реагируешь уже только на явную угрозу перехода дела в чужие руки. Для обнаружения вероятности чего и нужно личное появление хоть иногда на производстве. И достаточно мне удостовериться, что дело еще мое и что сотрудники еще мне подчиняются, я успокаиваюсь на следующие полгода.

Поэтому, как только я мало-мальски разобрался с делами и понял, что задание выполнил, я увез Наташу в горы.

Правда, до этого столкнулся с новостью для меня. Привезенная с собой девушка, конечно, произвела впечатление на производстве, когда я туда ее привел — ведь она мой менеджер, почему не привести... И где она скадрила единственного подходящего молодого сотрудника, которого я сам же и подобрал ей, чтобы она сходила с ним в ночной клуб, на дискотеку с тем, чтобы познакомиться с виденной ею только в кино ночной жизнью города, и где могла бы потанцевать, продемонстрировав все свои способности. Специально попросил сотрудника ее развлечь и сопроводить, полагая, что ему ее можно доверить, и от которого она появилась только в шесть часов утра. Я уже не знал, что и думать. Я звонил ей каждый час для контроля, сразу посочувствовал ее матери и осознав, что значит быть взрослой дочери родителем, она меня успокаивала по телефону, но я не успокаивался. Она же, как будто вырвалась из плена несвободы, в которой держали ее родители, и отрывалась на полную. Она с сотрудником даже подъехала часа в три, после закрытия клуба на машине к дому, я их из окна видел, говорил с ней по мобильнику, и она отпросилась покататься. И я три часа лежал без сна, не давая себе звонить ей через каждые пять минут, запретив себе звонить, но в то же время изнывал от желания узнать, что же происходит, и ожидая ее обещанного звонка раз в час. И даже пошел прогуляться. В четыре часа ночи! И обнаружил их машину на задах дома, за гаражами. Двигатель был включен, стекла тонированы, я не стал подходить близко и вернулся домой. С одной стороны, успокоив себя, что все в порядке, они тут, страшного ничего не случилось, а с другой — унесся домой с улицы тему для размышлений, которая вообще отбила у меня весь сон.

Потом она скажет, что это как курортный роман. Прочла у Юлии Шиловой. Что все сделала для того, чтобы он ее поцеловал и так далее. Меня тут никто не знает, чужой город...

У нее крыша съехала от большого города... Началось это с полета на самолете, с аэропорта, с услуг, которыми нас окружили в бизнес-классе. С солярия, в который она ходила, какого-то заштатного солярия, который она себе позволила, что произвело на нее огромное впечатление. Мне эти походы ее обходились в копейки, она и не просила, я сам выдавал ей как бы суточные, которые сам и назначил, чтобы как-то деньгами ее снабдить, но для нее эти копейки много значили, потому что такого в ее жизни не было никогда. Домострой. Видимо, вообще эти вещи в ее семье отсутствовали. И она «отрывалась» и гуляла на эти копейки. Ей хватало малости. И я рад был ей эти крохи дать, мне приятно было видеть, как она радуется, какое это на нее производит впечатление. После солярия сходить в парикмахерскую, выкрасить волосы в черный цвет, а потом позвонить подруге и похвастаться, что за такие малые деньги, в отличие от их подмосковных парикмахерских, она сделала себе маникюр и нарастила ногти. А какую радость она испытывала от того, что в кошельке у нее есть несколько сот рублей. Я даже не могу сказать, что она была расточительна. Она умела находить радость в малых вещах. Ей необходимо было лишь ощутить себя взрослой. Свободно прогуляться по улице большого города, когда машины останавливаются и молодые люди предлагают ее подвезти, если, конечно, она не боится, на что она, как всегда, отвечала, что у нее черный пояс по карате и что она никогда ничего не боится. Надо сказать, эта ее свобода была так упоительна и так заразительна, что я не знал, радоваться ли мне вместе с ней этим ее открытиям или, наоборот, себя за эти ее открытия корить...

Тем не менее это ее похождение до шести утра нанесло мне страшный удар. Я дождался ее прихода, когда она открыла ключом дверь, и видел, как она в свой комнате счастливо бросилась спиной на постель и на всю ширину раскинула по ней руки. Она была истинно счастлива.

Я, лежа в постели под одеялом, окликнул ее через открытую дверь и попросил зайти к себе.

— Сядь, — сказал я, показывая на край постели.

Свет падал на нее из двери, ведущей в коридор, и я видел широко открытые возбужденные глаза.

Я сразу как-то по-стариковски, не зная почему и сам, жалея себя, взял ее за руку.

— Дело молодое, — сказал я.

— У вас рука холодная, — ответила Наташа.

— Это я гулял, — соврал я.

Не мог же я признаться, что ждал ее приезда, стоя на балконе, и видел, как они подъехали и как еще долго стояли у подъезда и я, замерзая, все смотрел на них, видных через ветровое стекло, на то, как она целуется с ним в машине. Причем получалось это как-то нелепо алчно и деланно жадно, так сказать, напоследок; она делала несколько глотков пива, по-моему, это был даже не «Ягуар», от которого у нее всегда и округлялись глаза, потом выкуривала сигарету, пуская дым в приоткрытое окно, потом бралась целоваться, и именно так, как только она умела, французским поцелуем, исключительно сама, сама беря на себя инициативу, — потом я это испытал на себе — очень активно и со знанием дела, можно сказать, мастерски, но чисто инструментально. Потом опять пила пиво, опять курила и опять целовалась. До тех пор, пока наконец не распрощалась и не вышла из машины, а я, в свою очередь, закрыл за собой балконную дверь и, скинув заледенелый халат, забрался под одеяло.

— Ночью? Гуляли? — удивилась она.

— Не обращай внимания. Прохлаждался. Ты-то что творишь? Я не знал, где найти себе место. Тридцать раз твою маму вспомнил. Так же не делается, ведь шесть утра...

— Не парьтесь, Александр Борисович!. Должна же я была охмурить вашего сотрудника.

— Ну, знаешь, от меня такого задания не поступало. Я думаю, мы бы в нашем производстве обошлись без этого.

— У него жена и ребенок.

— Понятно, большой повод для того, чтобы прийти в шесть часов утра.

— Вы не понимаете, я ведь сама все сделала, сама заставила его поступиться, сама подвела к тому, что он должен был меня поцеловать, и так далее.

Последнее время у нее была страсть делиться со мной всеми своими тайными деталями интимной жизни.

— Какое-то у вас совершенно незнакомое отношение к сексу. Ну, или к тому, что ты там делаешь. Он у вас как-то не цель, как всегда был во все времена, половое не цель, не умопомрачительная

вещь, а только инструмент для чего-то еще. Нечто неважное, второстепенное, несущественное. Порой приходишь в недоумение. Может быть, это что-то новое? Как-то уж слишком сильно на вас влияет теперешнее кино и телевидение... Мама такое одобряет?

— Ну что вы, мама даже и не подозревает о подобном. И телевизора у нас нет. Но вы ведь ей не скажете?

— Ты ставишь меня в неловкое положение. Ладно, иди спать. Входную дверь закрой на замок..

5

Так вот, несмотря на это происшествие, решив это опустить и в обдумывание не углубляться, я, желая все же продолжать ее радовать, раз уж я в состоянии это сделать, и уже зная, что она никогда не была в горах, увез ее на выходные в зону отдыха. Мы взяли в прокате новую «Мазду», новой модели и вообще с пробегом в несколько тысяч километров всего, в панельном багажничке которой нашли еще и диск с песнями некой Светы, «Света и группа Амстердам». Совершенно, понятное дело, незнакомой для меня певицы, в том числе и группы, да и архитекторники и мироощущения. И под ее «Ну что ты смотришь на меня, вот такая для тебя...», «Что ж нам сидеть без дела, если есть хоть сантиметр тела...» — уехали за тысячу километров, чтобы провести там всего сутки...

Все у нее было впервые: и видеокамера в руках, и горы, и не замерзающие горные реки в солнечных бликах, и фотографии гор, которые она ММС-сообщениями посылала своему брату, и красивые экзотические горные кафе, в которых мы останавливались по дороге и из которых она звонила своему Сергею, и коктейли, какие заказывали в них.

Мы обосновались в большом отеле в глубине тайги в верховьях небольшой речонки, где не было лыжных спусков и поэтому только в основном летний отдых, из-за чего в этот момент в отеле было пустынно. Всего-то несколько человек на весь многокорпусный комплекс.

Поскольку мы уже пожили вдвоем в одной квартире, я не считал нужным занимать разные номера и снял один двухместный с двумя раздвигающимися в разные стороны кроватями, рассудив,

как потом выяснилось, очень кстати, что для нее снимать отдельный номер еще рановато.

— Между нами меч,— сказал я на ее несколько напряженное выражение лица, когда я ей показал ключ от одного номера.

Пришлось объяснить ей, что значит меч ночью между спящими мужчиной и женщиной, кто такие Зигфрид и Брунгильда и кое-что о поэтах «круглого стола» короля Артура, и о святости чувства долга между вассалом и сеньором, и святости мужского долга вообще, и о бытовавших в доисторические времена чистых рыцарских взаимоотношениях.

— Мне велено тебя блюсти, я не могу скинуть с себя эту обязанность, а у тебя, как я убеждаюсь на самом деле, по твоему же выражению, башни нет совершенно, с этим у тебя напряженка, тебя разносит на приключения. А тут, знаешь ли, обстановка суровая — тайга и медведь хозяин.

— У меня черный пояс по карате.

— Это я уже слышал.

— Я всегда могу за себя постоять.

— Знаешь, я иногда понимаю твою маму, которая считает, что ты еще маленькая и глупая и не можешь самостоятельно думать. Как ребенок, задержавшийся в развитии. Как знать, может, ты действительно еще ни разу не попадала в серьезную переделку только потому, что мама всегда держала тебя в телефонной узде. Если бы не она, ты бы по своей безрассудности давно уже не избежала какой-нибудь катастрофы и, может быть, распрощалась бы с жизнью, может, и на самом деле жива бы уже не осталась. Ты ведь не представляешь, до какой степени озверения твои выпуклости могут некоторых мужчин довести. Я сам займусь здесь твоей культурно-развлекательной программой.

Я оставил ее в номере и обошел всю территорию отеля. Место было чудное. Незамерзающая маленькая горная речонка, голые скалы на противоположном берегу, ели и лиственницы уходящей вверх по распадку тайги, отвоеванная от природы и вправленная в асфальт огромная территория отеля, аккуратно убранная сейчас от снега; мороз такой, что трудно терпеть его без шапки, как и заведено, сауна, бильярдная, боулинг в отдельных зданиях, еще какие-то летние заведения и отдельно стоящий большой ресторан, в котором тоже было весьма прохладно. И всюду полное

отсутствие народа. Несколько машин у второго четырехэтажного жилого корпуса и, как я выяснил у бармена в пустом ресторане, единственного находящегося, похоже, в тот момент там работница, абсолютное отсутствие в отеле молодежи.

— Что, девочке моей даже не с кем будет вечером потанцевать? — спросил я его.

— Да хорошо, если вообще в ресторане кто-то будет. У нас не засидишься, холодно. Мороз в этом году редкий, да и клиентов-то вообще на весь отель человек пятнадцать.

— Но мы-то придем, — и я заказал ему на вечер ужин.

Потом вернулся в номер. Наташа изучала горы с балкона.

— Я провел разведку, — сказал я. — Народа нет вообще, щебетать тебе будет не с кем, кадрить тоже. Один исполняющий служебные обязанности бармен в ресторане. И у того, кажется, один глаз косит. Остается только любоваться на горы, чем ты, насколько я понимаю, с пользой для себя и занимаешься. В семь часов пойдем ужинать, а сейчас пойдем поиграем в боулинг. Полагаю, что там мы тоже будем одни.

Мы прошлись по территории отеля, попробовали играть в боулинг, а к вечеру пришли в ресторан.

— Я буду за тобой ухаживать. Извини, в силу сложившейся ситуации буду для тебя кавалером.

Я накинул ей на плечи шубку, поскольку было на самом деле холодно, и Наташа надолго погрузилась в изучение меню.

Я заказал ей коктейль.

— Самый вкусный, на ваш выбор, — сказал я бармену, выполнявшему на этот раз еще и обязанности официанта.

Он поразмышлял, а потом показал в меню строку с названием коктейля.

— Хорошо, — согласился я, — главное, чтобы девушке понравился.

— Будем надеяться, — он улыбнулся Наташе и забрал у нас книжки меню.

— Ты его уже обработала, — сказал я ей, — по-моему, он уже сомлел.

— Да, в общем-то, нетрудно было, — ответила она.

— Что ж, надо же упражняться, чтобы оружие не заржавело...

— Два раза-то всего и надо было посмотреть...

— Следовало подальше от бара сесть, а то не так эффектно получилось, слишком быстрая победа. Да и девушек тут больше нет.

— Да нет, это я свою систему применила.

— Но нет удовлетворения. Всего один. Зря только демонстрировала декольте.

— Я бы могла добиться того же и сидя к нему спиной.

— Ну конечно.

— Не верите?

— Верю! И в наглухо застегнутой шубе.

— Да.

— И прикрытая книгой.

— Да, вы не понимаете, вы издеваетесь, а тут не во внешности даже дело. Я иногда специально шрам выставляю на обозрение, и все равно действует. Взгляд производит действие. Главное — глаза.

— А я все же думал, другое...

И уже когда заканчивали салат, добавил:

— Кстати, о взгляде... Сочувствую, что больше нет кандидатов, мы могли бы развлечься, заключая пари... Раз в боулинг поиграть толком не удалось.

— Насмехаетесь? — она все никак не могла понять, с какой интонацией я это произношу.

— Нисколько! Хотя замечу, когда кончаешь блюдо, клади нож и вилку на тарелку вместе, параллельно друг другу, а не крест-накрест, это будет говорить официанту, что ты закончила и что тарелку можно убрать.

— Я правильно положила приборы, — с обычной самоуверенностью начала возражать она. — Нас так учили.

— Понимаю, но что-то ты упустила, или недодали. Большой оплошности нет. Но если ты хочешь показать официанту, что закончила, сделай это, и он заметит обязательно и сразу же уберет посуду.

— Нет, я права.

— Кто из нас кого учит этикету, ты или я? Ведь, кажется, мы роли распределили?

— Извините, я забыла, — и она расхохоталась по своей привычке.

— Вот это-то я и хотел тебе показать, это секрет твоего приема, твоего взгляда. Самоуверенность. Абсолютная, до беспардонности, даже накачанная искусственно уверенность в себе, и такая же беспардонность предложения. То есть смелое предложение товара лицом. Тут никто мимо не пройдет. Конечно, если не дурак и не забуддыга. Ну, еще и не слишком застенчивый.

— Честное слово, я с вами форму потеряю.

— Не грозит. Повод ты всегда найдешь, а не найдешь предмета, скадришь пепельницу или ножку стула...

В общем, болтовня продолжалась, нам было весело, чтобы засмеяться, нам даже не надо было повода, а пара коктейлей только улучшила наше настроение. Она хохотала так очаровательно, что бармен тоже на нее без конца смотрел. Впрочем, действительно, поскольку больше посетителей, кроме пришедшей ненадолго супружеской пары, не было, мы только и были для обозрения.

Но в конце десерта, после того как мы уже покатывались с хохоту от одного только случайно сказанного слова и мне казалось, что у нас полное взаимопонимание и самодостаточность за столом и нам так легко и просто вдвоем, она заявила:

— Надо закончить.

И встала, подошла к сигаретой к бару и попросила у бармена прикурить, а после этого молча прошла в фойе. Через некоторое время бармен, накинув куртку, отправился туда же.

И хотя все приемы у нее вообще не отличались изяществом, но в этот раз ее поведение выглядело уж чересчур грубо. Отсутствовали они минут пять. Меня, молчуна по жизни, кстати, всегда поражало, о чем можно говорить незнакомым людям, специально вышедшим покурить вместе. Для меня это было всегда загадкой и неосуществимо.

Когда она вернулась, мы допили последний коктейль, и я попросил счет. Потом я предложил Наташе помочь надеть шубу. Но она выпросила у меня разрешение на некоторое время еще задержаться и одной прийти попозже. Выглядело это окончательно бес тактно и в то же время совершенно непосредственно. Я вынужден был согласиться.

— Хорошо, двадцать минут, — сказал я.

Сейчас-то я понимаю, что это у нее продолжала съезжать крыша, теперь уже от первого свободного, без родительского присмо-

тра и контроля посещения ею горного отеля. Тем не менее я понимал, что так не делается, и хотя изо всех сил старался этого не показывать, чувствовал себя задетым.

Я ждал ее в номере полчаса. Потом позвонил.

— Приди в номер.

— Александр Борисович, еще чуть-чуть.

— Приди в номер.

— Всего немного...

— Я тебя жду, — и я положил трубку.

Она заявила разъяренная.

— Я свободный человек и могу, наконец, распорядиться своим временем.

— Во-первых, ты глупый человек. Невоспитанный, необразованный, глупый человек. А во-вторых, я взял на себя ответственность за тебя. И поэтому тебе придется мне подчиняться.

— Я никому не обязана подчиняться, — сказала она.

— А придется.

— Нет, не придется. И потом я оставила там сумку, — и она вышла из номера.

Я прождал еще с час. Ресторан уже должен был закрыться. На улице стояла ночь, тишина и мороз. Черные деревья уходящей от отеля вверх по распадку тайги меркли вдаль в остаточном свете фонарей и делались зловещими. На всей территории отеля никакого движения. Что там ею делается, я совершенно не знал, и что мне делать, не знал тоже, поэтому позвонил ее родителям. Далеко в их поселке мне ответил ее отец.

— Выйди куда-нибудь в коридор, — попросил я. — Чтобы жена не слышала...

Он исполнил мою просьбу.

— Я просто не хочу, чтобы Лена в панику ударились, — продолжил я. — В общем, ничего серьезного, просто Наташа немножко меня не слушается. У меня просьба, я в принципе знаю, где она сейчас находится, ничего страшного, но она там увлеклась, я ей сказал, чтобы она шла домой, а она не слушается, все под контролем, но я тебя прошу, позвони ей, скажи, что я на нее жалуюсь. Это сделает ее более покладистой. Молодость, сам понимаешь, Лену не пугай, все, в общем-то, в порядке.

— Хорошо, позвоню, — сказал он.

И позвонил. О чем они там говорили и что он ей сказал, я не знаю, но на этот раз она прибежала в номер с глазами, источающими просто ненависть.

— Вы зачем родителям пожаловались?

— Прежде ответь: ты там пила еще коктейль?

— Пила, но при чем тут это?

— Вот деньги, иди заплати.

— Вы мне скажите сначала, зачем вы позвонили моим родителям?

— Ты не заплатила?

— Я вас другое спрашиваю.

— Или ты уже отработала?

— Что?!

— Иди отдай деньги, чтобы не выглядело, что я прохаживаюсь за чужой счет.

Она взяла деньги и исчезла. Вернулась она быстро. Больше мы уже не разговаривали. Но всем своим видом она показывала, что она оскорблена, возмущена до глубины души и зла как никогда. А я еще до ее прихода далеко раздвинул наши кровати и поставил меж ними обе тумбочки. Продемонстрировав этим ей и свою собственную ярость.

Принял душ. Когда вышел из ванной, Наташа лежала в постели и смотрела телевизор. Какую-то музыкальную идиотскую программу. Звук почти на всю мощность. Я лег в свою постель, некоторое время почитал книгу, стараясь скрывать свою злость, потом погасил в изголовье лампу и, попросив сделать телевизор немного потише, в который она тупо и зло продолжала пялиться, повернулся на другой бок и заснул.

6

Но спал я плохо. Несмотря на всю мою взятую на вооружение беспристрастность и смирение, меня и во сне переполняли чувства ревности и унижения, и поэтому я проснулся рано и Наташу поднял тоже в семь утра.

— Вставай, — сказал я. — Мы уезжаем. Завтракать, хотя я и заказал завтрак вчера, мы не будем, мне в ресторане уже неловко появляться. Мне вообще тут находиться уже неприлично.

Наташа встала хмурая, но послушная. Собрались мы быстро, погрузились в машину, я только сдал ключ администратору, и мы понеслись в обратный путь. Оба демонстративно и зло продолжали молчать, и я давил педаль до пола.

Только в самом начале я нарушил молчание, чтобы объясниться:

— Что бы не осталось непонятости, когда приходишь в ресторан с женщиной, кем бы он тебе ни приходился: родственник, сослуживец, друг, муж, любовник, знакомый, ты обязана с этим же женщиной из ресторана и уйти, есть такое неписаное правило. Его нигде не прочтешь, потому что писать такое и не требуется. Это элементарное правило. Если ты, конечно, сознательно не хочешь поставить человека в неловкое положение. Другой бы мне и не надо было это говорить, но ты дремучий человек в вопросах такта. Про образование, про упертость в своем невежестве и нежелании чему-либо учиться я вообще промолчу, поэтому я тебе и объясняю: ты поставила меня в глупое положение, так что я вынужден был уехать. Понятно? Для меня оставаться там было уже просто невыносимо.

— Я одного не понимаю, почему я должна вас слушаться и во вне рабочее время, — сказала она, что дало понять мне, несколько удивленно вскинувшему на нее взгляд при словах о вне рабочем времени, что она не восприняла из мной сказанного ровным счетом ничего.

— Я сейчас не собираюсь вести дискуссию и вдаваться в рассуждения. И извиняться, прости меня, тоже не собираюсь. Я просто объясняю причину нашего отъезда. На этом все.

— Хорошо, — и она отвернулась от меня к окну. А я опять придал педаль акселератора.

У нее и это было в плане борьбы за лидерство и достижение успеха. То есть в ссоре, не важно виновата ты или нет, одержать верх. Чтобы человек первым сдался и пошел на мировую. Попросил прощения. Это тоже было ее хорошо отработанная ПТУшная программа.

Я был зол до невероятности и на этот раз не считал нужным скрывать или сдерживать свою злость, хотя бы даже из воспитательных соображений, давая ей время осознать свое поведение до конца. И продолжал нестись на невероятной скорости. Хорошо еще, что «Мазда-6» хорошо держит дорогу и является перед-

неприводной. Иначе на крутых горных поворотах мы могли бы обрести немало приключений. Я ехал с такой скоростью, что, когда гаишники остановили меня через пару часов на посту ГАИ в одном из поселков, мне долго пришлось сдавать задним ходом, чтобы опять поравняться с ними, и, удивленные, они сказали, что такую скорость радаром они еще здесь, на посту, не засекали. Они были в восхищении от моей наглости, поскольку это сулило им еще и хороший улов, причем совершенно открыто, во время дежурства около своей будки. Но даже и этот эпизод не утихомирил меня и не утишил моего раздражения, и я продолжал, нарушая данное ее матери обещание ездить с Наташей аккуратно и строго придерживаться в пути правил дорожного движения, чтоб мама могла спать спокойно, гнать и гнать, поскольку видел, что Наташа на каждом повороте вынуждена была хвататься за ручку двери. Это ее движение каждый раз сладким мстительным чувством наполняло мою душу. Часов в двенадцать, проезжая очередную притрассовую деревню, я остановился у дорожного кафе.

— Я пойду позавтракаю. Если хочешь, присоединяйся.

Но она отказалась.

«Ну и сиди», — подумал я, проворачивая в голове злобные мысли, и в одиночестве перекусил в кафе какими-то блинчиками и выпил чашку кофе.

После завтрака мне стало полегче. Я стал в состоянии думать. Начал возвращаться к мыслям о спокойствии. Когда сел в кабину, достал телефон и набрал номер своей подруги.

— Иришка, тут у нас не заладилось с горной вылазкой, обдумай маршрут, как к тебе попасть, я попозже перезвоню, у меня есть время к тебе заехать.

Позже я перезвонил, чтобы узнать через какие деревни и городки надо проезжать, чтобы был кратчайший путь, и потом добавил:

— И приготовьте с Димкой нам, пожалуйста, поесть. Мяса. — И помня, что Наташа любит мясо преимущественно, сказал: — Мяса побольше. Я компенсирую, с меня ведь причитается?..

— Все сделаю, — ответила обрадованная моему предстоящему визиту Иришка.

А много позже, уже к концу дня, когда остановился в их городе около магазина, оказавшись на улице, я перезвонил ей еще раз и попросил сервировать стол посерьезнее.

— Не упрощай, полный набор приборов. Побольше правильно расставленных фужеров. Я потом объясню. Так надо.

А потом, когда мы уже приехали к ним домой, и Наташа почувствовала себя у Иришки хорошо и просто, — Иришка всегда умудрялась создавать своим доброжелательством и улыбчивостью простецкую свойскую обстановку, так что никто не мог устоять... Ей понравился и Иришкин дом, и ее Дима, и сама Иришка, да и Иришке понравилась Наташа, и так знакомая уже ей по моим интернет-письмам, будучи заинтригованной ими даже... Когда мы уже сидели за столом с налитыми рюмками коньяка в руках, я произнес давно заготовленную, ради которой, можно сказать, и ехал сюда, речь:

— Вот Наташа, представляю тебе: моя подруга юности Ирина Николаевна, тетя Ира, как ты ее сразу назвала, Иришка, как зову я, тоже умевшая всегда прекрасно танцевать, дочь известного в свое время балетного танцора, на пике своей карьеры, правда, в провинцию сосланного, до сих пор еще яркая красивая женщина, такая же в молодости блядь, как и ты, вечно только и думавшая о мальчишках и своей привлекательности; и до сих пор, я полагаю, не знает, от кого именно у нее дети, но тем не менее сумевшая, несмотря на все свои похождения, закончить университет, получить два высших образования, знающая два языка, журналистка, проработала всю жизнь переводчиком-референтом, родила и воспитала двух детей, один из которых в Москве, а другой живет и работает в Штатах, образованный человек, пользующийся уважением везде, где она ни появляется, обходительный, тонкий, пушкиновед, а как журналист до сих пор вызывающий во мне восхищение.

— Ладно, ты ее так не шокируй, — улыбнулась Ира, — она может еще не понять.

— Поймет, не маленькая.

И после стрессов этих последних суток выпил рюмку залпом и с наслаждением.

Наташа с еще большим вниманием посмотрела на Иришку, еще более заинтересованным взглядом, а после застолья не отходила от нее ни на шаг. Разглядывала старые семейные фотографии в альбомах, Иришкины этюды на стенах, сувениры, навезенные родителями из разных стран, книги, вела какие-то разговоры о своем поселке, отвечала на вопросы о своей работе и учебе,

о своих приключениях. Иришка была в курсе моих воспитательских затей, и поэтому мало того, что отнеслась к Наташе с симпатией и участливо, но еще и, быстро, опытным взглядом оценив и подтвердив мое мнение о ней и о ее потенциале, сама охотно вызвалась выдумывать разные приемы, способные стимулировать возникновение у нее тяги к культуре и образованию. Она то спрашивала что-то, то советовала, то приводила примеры и рассказывала истории... И когда мы вернулись к чаю с коньяком, и надо сказать, с достаточным количеством коньяка, они были уже неразлучными подругами. Мы выпили снова.

Нельзя сказать, что это застолье было первым в жизни Наташи. У Наташи была тетя, сорокалетняя, очень любящая ее, оттого, видимо, что у нее самой не было дочери, а только один выросший уже сын, сестра ее отца, тетя Аня, которая жила в соседнем с их поселком городке, и к которой Наташа иногда ездила с субботы на воскресенье, чтобы тайно от родителей предаваться с ней и с ее мужем вполне невинным, но в то же время бурным, с ребяческим уклоном, загулам. Бывало даже, она звонила мне от нее и, хвастаясь, говорила, что они будут сегодня пить, что вот уже выпили все пиво. А потом — что они выпили все остатки водки из серванта и что дядя Слава побежал в магазин за продолжением.

А потом ночью уже не звонила, а только слала СМСки, объясняя, как ей плохо, что ее тошнит, а потом, что она не может уснуть, а однажды даже оговорилась, что меня любит. Я ей отправил очередную СМСку, в которой за эту ее ко мне привязанность и доверительность, опять сказал в чувстве признательности, что ее люблю, и она ответила сообщением, что и она тоже!

«не пугай меня», — ответил я после некоторой паузы.

«почему вы так сказали?» — получил я ответ.

«потому что я могу воспринять это серьезно»

«нет почему вы испугались?»

«потому что я тебе не верю»

«спасибо»

«за что?»

«за неверю»

«потому что это не может быть никогда»

«ладно, это я пошутила, я вас просто проверяла», — был ответ.

Так что мирские искушения все же проникали в ее домостроевскую жизнь, и не все вокруг было для нее новостью. Но Иришка своей простотой и молоджавостью напомнила ей ее любимую тетю Аню, атмосфера праздника напомнила ей их «загулы», так что выпила она почти наравне со всеми, а когда после ужина Иришка затеяла еще и танцы, в которых сама, вспомнив молодость, крутилась и выделывала все свои молодые па едва ли не энергичнее Наташи, Наташа была покорена Иришкой совсем. Она прониклась к ней полным доверием и даже исповедчески пожаловалась на меня, что я ее обидел в поездке, пожаловалась на меня в моем присутствии, сказав «он», он такой-сякой...

Что говорило уже о какой-то близости, о том, что она мне все простила и благодарна мне за продолжающийся праздник, и испытывает ко мне теплоту и симпатию, просто не может мне об этом сказать прямо. Все это выглядело из области «милые бранятся — только тешатся», на что Иришка и заметила:

— Он так тебя воспитывает. Он же должен тебя охранять.

— Я уже большая.

На это Иришка улыбнулась.

— Это понятно, но он же дал твоей маме обещание тебя опекать.

Танцевали они до самой ночи, мы любовались с Димкой нашими дамами, пока те друг перед другом, воспламеняя друг друга, показывали все, на что были способны. Причем Иришка показывала все еще сохранившееся в ней отточенное классическое мастерство, а Наташа — современный молодежный задор и вызов, или, как это сейчас повсюду заведено, откровенный призыв. В танце она делала такие эротические движения, какие могла сделать только девственница, из-за того что она их еще не до конца понимает, и какие в других показались бы просто пошлостью. Но у нее они были прекрасны. Движения эти делались ею едва ли не лучше, красивее, мастерски и даже более вызывающе, чем движения танцующих и поющих в телевизионных клипах обнаженных или полубнаженных девиц, потому что ей было чем их делать, но у нее почему-то таинственно отсутствовала вульгарность, привычная уже порнография, показная фривольность, sex-appeal, теперешняя навязчивая излишняя откровенность, что лишний раз подчеркивало, напоминало, открывало, просто кричало о колоссальной,

почти сакральной значимости целомудрия, о том, что только невинный человек может превратить нескромность в очарование, sex-арреал в эстетику, и лишний раз напоминало о существовании грани между порнографией и искусством. Опять на первый план выходил момент разграничения просто полового и полового-прекрасного. Становилась очевидной философичность настоящего искусства, подчеркивалось, что только в сублимации его вершина, не в откровенно-чувственном жесте, не в конкретике, натуралистично вклинившейся в эстетику современной культуры, не в призыве, не в освобождении от «оков», когда со всех сторон не очень одаренные люди пытаются нас убедить в том, что каждое половое движение, каждое элементарное половое сношение, каждый вызывающий вожделение половой акт или чувственный элемент прекрасен и есть искусство; но прекрасен, истинно прекрасен, принадлежит искусству только тот чувственный элемент, чувственный жест, который скрашен либо стыдливостью, либо искренней невинностью, либо, уже как вершина, как достижение, непревзойденный талант, окрашен испытанной, опробованной, не невинной уже, но облагороженной чувственной красотой, отточенной, превращенной из чувственного жеста в непосредственность, в невычурность, в скромность, в отстраненность, в невозмутимость, в позу, в символ. Это обстоятельство уводило мыслями вообще в сказочный мир древности, во времена античного преклонения перед девственностью, в весталчество, в многообразие весталческих обрядов и весталческой жизни, в индийский пантеон полногрудых женских целомудренных богинь, в целый мир эстетически окрашенных религий прошлого.

Я был совершенно сражен еще одной открывшейся для меня чертой Наташи, происходившей от ее девственности. Даже этой приспособленной к современности девственности, но остающейся девственностью несмотря ни на что.

Постелено нам было рядом. На двух кроватях, но стоящих вплотную друг к другу в комнате для гостей. И всю ночь я изнывал от близости этого лежавшего рядом очарования. Борюсь со своим желанием и запрещаю себе ее даже коснуться. И при том, что это очарование, я чувствовал это отчетливо, хотела сейчас этого к себе прикосновения. Протестовала всем своим существом про-

тив этого «меча» меж нами, благодарна была за столь благородный жест, в высшей степени ценила его и умилялась сдержанности мужчины и созданной им между ними дистанции и ценила его за эту любовь. И сама же хотела эту сдержанность нарушить, сама же хотела этот «меч» отбросить. Подобные чувства в подобных обстоятельствах испытывает женщина всегда.

okhotnik@pisma

Девочка моя, я никогда не был до конца искренен с тобой. И я постоянно, целенаправленно, последовательно тебя соблазнял. Мыслями, какими вгонял тебе в голову, своими «благородными» поступками. Своей опыtnостью. Я касался тебя спящей ночью и убирал руку, мечтая в глубине души, чтобы ты эту мою робость оценила. А когда во сне бессознательно клал руку на тебя поверх одеяла, произвольным привычным движением семейного человека, то, очнувшись от сна и осознав ошибку, не спешил руку убирать, желая, чтобы ты тоже, проснувшись, ее заметила и лишний раз оценила мое смирение, оценила то, что это у меня может прорваться только во сне, только против моей воли. Что я преодолеваю себя. Что я тебя хочу, но что твое целомудрие.

Это было искренне. Но в то же время это была уловка. Мина замедленного действия. Я заложил в тебя мину замедленного действия. Я охотник. Я старый мудрый охотник. И я охочусь на тебя.

Глава 3

1

На другой день мы поговорили с Иришкой в кухне.

— Я прочел твою статью о Болдине. Мне без сахара...

— Я знаю. Когда ты успел только прочесть?..

— Я ведь за тобой слежу.

— Приятное участие. Хочешь сказать, понравилось? — Иришка подала мне чашку и села напротив.

— Хорошо уже то, что люди стали возвращаться к культуре.

— В смысле?

— То, что ее вообще напечатали.

— На самом-то деле это просто юбилейный проект.

— Тем не менее повеяло чем-то родным, из культурного времени.

— Спасибо.

— Хотя, скорее, все же из советского времени.

— В данном случае это одно и то же, ты сам такое утверждал не раз, не так ли?

— Может, и ошибался. Вот они ведь не читают теперь, и это уже сразу наводит на мысль: кому это литературоведение теперь нужно, стоит ли продолжать советское литературоведение? Теперь даже и не знаешь, стоит ли вспоминать и реанимировать наше старое время, когда люди сходили с ума по искусству, писали горы диссертаций,

статей, книг, в частности таких, где реабилитировался Пушкин в глазах учащихся, где показывался им хорошим и положительным. Таким душкой, жертвой заговора и репрессий. Сейчас они не только не читают, им это совершенно не требуется. На них положительные примеры не действуют...

— Это ты так мягко пытаешься меня критиковать? С тобой всегда сложно, только расслабишься, ты и огорошишь.

— Тебе единственной я не вру...

— Как бы там ни было, гении плохими не бывают.

— Еще как бывают! Пушкин как раз из их числа. Задира, язва, ревнивец, дуэлянт, пасквилянт, потаскун, богохульник, мерзкий и неуживчивый человек...

— Что в то же время абсолютно никакого значения не имеет! Потому что он все им неписанное написал!

— Совершенно правильно, это та луковка, которая ему поможет в аду. Как знать, может быть, он уже с ее помощью перелазил из ада в какое-то более комфортабельное местечко.

— Ничего себе луковка! Всем бы такие.

— Перед Богом мы все равны. Несмотря на наши несовершенства и достижения. Я так думаю, что Он ценит совершенно другие вещи. Типа вот этих домостроевских. Например, князь, Он обязательно оценит то, что в твоей молодости я оказался единственным мужчиной, которого ты не пугала отцовством своего ребенка. По крайней мере я это помню всю жизнь.

— Не ерничай.

— Не знаю, как Он, но я это ценю выше всего в нашей жизни.

— Спасибо и на том.

— А это самое главное. — И я начал говорить достаточно громко, чтобы Наташе было слышно. — Другой вот развратничает и все, а у Пушкина даже разврат очарователен и так написан, что думаешь о вечном и совершенном, а совсем не о разврате; и все это его распутство, со всей мелочностью конкретности лиц и фамилий и мерзопакостью своих походов, лишь повод для создания шедевра. Даже сам себе он лишь повод для создания пары строк в стихотворении. Надмирный ум, взгляд из самадхи, бодхисаттва Пушкин. Который и свою жизнь воспринимал всего лишь как материал.

— Я думаю, для Наташи это непонятные слова, — сказала она.

— Да она и не слушает, она телевизор смотрит. Вот мне и сдается, именно это надмирное, если нам вслед за Пушкиным удастся хоть на секунду его достичь, и делает нас людьми и отличает от животных, от «старых обезьян», от ПТУшников, скажем. Хоть чуть-чуть, хоть слегка, хоть иногда быть похожими на Пушкина... Как ты в молодости, я ведь твой должник...

— Я тебя просто любила, Сашенька, — сказала Иришка.

— Я это знаю. И поэтому тоже тебя люблю.

И мы поцеловались.

Потом я посмотрел на Димку, улыбнулся ему и сказал:

— Это нам уже предначертано судьбой. А что до литературы, то в том, что люди перестали сейчас читать, а особенно критические монографии, я начинаю видеть и положительную сторону. Больше искренности, перестали притворяться и откровенно заявляют, что читать им больше не требуется. Где-то это смелость.

— Но это же грустно.

— Зато непосредственно.

— Зайка, — громко сказал я, обращаясь к Наташе в другой комнате. — Хочу отметить еще одно примечательное отличие в Ирине Николаевне, кроме ее двух высших образований, она еще не агрессивна, никогда не дралась и всю жизнь в конечном счете простила обидчиков. И Богом ей за это воздастся...

Мы прожили у Иришки два дня, за которые успели сходить в местный драмтеатр и в ночной клуб со стриптизом, посетить который Наташе благодаря своему упорству все же удалось нас заставить, и где нам с Димкой, зажатым с двух сторон голыми грудями раздетых девушек, пришлось засовывать им в трусы деньги, а потом еще и из воспитательных соображений спрашивать Наташу, правильно ли мы сделали. И где особо сильное впечатление на нее произвели шуточные миниатюры группы ребят, выпускников театрального училища, кстати, учеников той же Иришки, читавшей им в свое время русскую литературу; выпускников, подрабатывающих по клубам своими выступлениями на фривольные гомосексуальные темы. Сделаны они были достаточно тонко, без особой вульгарности и даже с определенным вкусом, талантом и, конечно, с юмором, с иронией даже, но сам факт, что предметом твор-

ческого осмысления является гомосексуализм как уже нормальное обычное обыденное явление, хоть и юмористическое, вызывал во мне вполне понятное для людей моего возраста и воспитания чувство невольного отторжения и некоторого омерзения. Тем не менее зал ребятам бурно аплодировал, а у Наташи, хлопающей вслед за всеми в ладоши, даже от восторженного возбуждения круглились глаза.

— Чего тут тебе могло так понравиться-то? — спросил я даже с досадой.

— Ну что вы, классно. Правда жизни. Как по-настоящему.

— Да уж, конечно, по-настоящему. Можно подумать, что тебя окружают одни педерасты и зоофилы.

Мы с Иришкой съездили в какой-то супермаркет и купили Наташе еще одно хорошее платье. Тот костюм, что мы ей купили с Надеждой Серафимовной, она уже износила, непонятно почему, как свои спортивные и китайские, она и его стирала в машине, и естественно, что хоть он и шит был из материала отменного качества, но подобного обращения не вынес, от постоянной носки и стирок полек.

Иришке тоже доставило наслаждение менять имидж Наташи, приодевать ее, подбирать прическу, за два дня она тоже полюбила ее и тоже загорелась желанием помочь раскрыться этому бутону в правильном вкусе и красоте; рвалась принять участие в ее будущности и придумала-таки, как попробовать соблазнить ее образованием, для начала порекомендовав ей принять участие в конкурсе на венский бал, ежегодно проходящий в стране, отметив ее способности к танцу. Там, при подготовке участниц к конкурсу, ее научат нужному поведению, дадут элементы культуры, азы воспитанности, заставят культурой интересоваться, чтобы хоть на это ее поймать. На танцы. На первенство в танцах. На ей близкое... Она же, узнав, что Наташа под моим нажимом прочла «Пигмаллиона», посоветовала ей для чтения книги «Портрет Дориана Грея» и «Сагу о Форсайтах».

— Наивная, — возразил я ей со вздохом. — Какой там Оскар Уайльд, какой аристократизм Голсуорси?! Когда у этих паузов демократизм — главный основополагающий элемент в их теперешней культуре?! Я это уже все прошел. Ты что, телевизор

не смотришь? Остается радоваться уже тому, что есть, тому, что хотя бы осталось...

2

По приезде домой Наташа сразу загорелась желанием съездить в армию к Сергею. Она долго обсуждала эту тему с ним, дома с родителями, со мной, и я, поддерживающий это только внешне, в конце концов даже внутренне вынужден был согласиться. Она при мне часами разговаривала с ним по телефону, очень ласково и любовно. Наконец были назначены дни, когда ему на два дня дают увольнение.

— Поеду отдавать ему свою девственность, — сказала в заключение она.

— Чего это тебе вздумалось? — встревожился я.

— Ну, вы же сами рекомендовали. Вы ведь говорили, что если уж не выйти замуж, то ему надо хотя бы подарить свою девственность из чувства справедливости перед природой и Богом.

Она явно меня дразнила.

— Ладно, ты не преувеличивай. Я так тебе не говорил. Да, я понимаю, что это было бы последовательно, девственность надо отдавать первой любви. Я и сейчас согласен, что первая любовь и есть самая настоящая, а лучше всего с первой любовью и прожить всю жизнь. Тем более, что в твоём случае это тебе послано для испытания и навсегда. Мало того, для парня, уходящего в армию, девушке надо бы по-человечески чем-то жертвовать и поступаться.

Но я же не говорил, что уж так сразу, — поиронизировал я уже над самим собой. — Я умозрительно говорил, можно было бы и не спешить...

Но тем не менее снабдил ее даже деньгами на дорогу, чтобы им в его увольнительные было на что куда-нибудь сходить и развлечься, и даже отвез ее на вокзал. В то же время впадая в ступор от одной только мысли, что она на самом деле может там сделать!..

— Ладно, может, еще и передумаю, — сказала она перед отъездом и даже поцеловала меня в щеку. — Будете скучать по мне?

— Не то слово...

И она уехала.

Но оказалось, что это для меня вынести будет просто невозможно. Я себя приучил к мысли, что при любых обстоятельствах я не могу быть у нее главным, что я не могу себя навязать ей. Единственное, что я заслужил, — это сопровождать ее какое-то время по жизни, быть рядом, радоваться ее любви к другому, к другим, радоваться ее забавам, разговаривать, быть доверенным лицом, любимым даже, но в половом плане из чувства справедливости второстепенным, поскольку — разница в возрасте! Ну, и иногда, когда повезет, лишь коснуться у нее, спящей, плеча или получить поцелуй в щеку. К подобному положению вещей я себя приучил. Но оказалось, только умозрительно, на деле вынести такое был не в состоянии.

podruge

Даже секс является для человека испытанием, бременем, которое человек взваливает на себя сознательно, а что говорить про любовь?! Зная, что кроме радости она принесет ревность, страдания, отчаяние и боль, все равно из-за желания на все идешь. Со всем соглашаешься. Потому что тут есть что-то от Провидения. Непонятно что. Но есть. И это так и останется непонятным при любых обстоятельствах, как ни пытайся вникнуть, что же тут от Провидения содержится? Но все время чувствуешь, что с чем-то Божеским соприкасаешься. Может быть, тобою владеет в этот момент безличная, равнодушная лично к тебе, созидающая новую жизнь, деторождающая сила, всегда и начинающая любовь, и ты просто игрушка в чьих-то руках, исполняющий механизм, и сила эта просто завладевает тобой, использует тебя для своих масштабных космических задач, совершенно тебя как отдельную личность не учитывая. Но в том, что это нечто таинственное и сакральное, приходится все же отдавать себе отчет каждую секунду. Кто знает, может быть, это единственный момент, когда ты соприкасаешься напрямую с вечностью, если такое вообще возможно. Надо только смело под этот дождь, в этот поток, в эту зону любви войти. Чтобы, конечно, потом с болью из него, когда он минует тебя, выйти. Вынеся из-под этого дождя, тем не менее, в памяти ощущение, что по-настоящему эта любовь значит, и ища и яростно насаждая, доказывая, проповедуя всем поиски, повторение

этого чувства всю оставшуюся тебе жизнь. Что люди и называют неразумностью и идеализмом.

Но, как бы там ни было, боль, боль сопровождает тебя всегда...

3

И поэтому я сорвался и тоже уехал. Уехал на машине теперь уже на юг страны, где у меня тоже было дело, решение которого я несколько месяцев откладывал день ото дня из-за его не очень большой срочности. Была весенняя сырая погода, распутица, я выехал на ночь, просто заехал домой после прощания с Наташей на вокзале, взял нужные для дела документы и поехал, боясь оставаться на ночь наедине с самим собой у камина в согретом уже Наташиным присутствием доме.

Когда едешь на машине, все же как-то спасительнее жить, отвлекаешься дорожными знаками и выбором дороги, необходимостью быть настороже, и не надо заставлять себя засыпать ночью, прибегать к каким-нибудь снотворным средствам, когда, наоборот, борешься со сном, не даешь себе уснуть, утомляешь себя рулем настолько, что часа на два все же невольно выпадаешь из реальности, свернувшись по старой своей охотничьей привычке на заднем сиденье в припаркованной где-нибудь на обочине машине. Но через два часа все равно просыпаешься будто от удара в голову или оттого, что больно сожмется и так и останется мучительно сжатым сердце, и сразу вспомнишь о том, от чего убежал, что старался забыть, и вернешься к действительности. И опять погонишь себя дальше, стараясь отвлечься красотами природы, тихих покойных заснеженных полей, проступающими в синеве утра, которые, в общем-то, не очень сильно на этот раз тебя впечатляют и не дают душе должного успокоения; вылазками в придорожные кафе за кофе, общением в них с продавщицами и ежеминутным невидимым противостоянием инспекторам ДПС, вечной невидимой войной с ними, лишней раз отмечая в уме абсурдность и анекдотичность обстоятельства, возникающего из-за того, что мы покупаем мощные скоростные импортные машины, на которых в нашей стране за отсутствием скоростных дорог все равно нигде нельзя больше девяноста километров в час ездить.

Уехать-то я уехал. Но все равно остался телефон. И невольное искушение все равно осталось — быть с ней на связи. Уже с наступлением восьми часов утра я начал с искушением бороться. Я запретил себе сначала звонить, но в девять позвонил все равно, потом не давал себе звонить из-за того, что она была в одном купе с его мамой, которая тоже ехала к нему, чтобы та чего-нибудь не заподозрила, и слал ей только сообщения, ограничивая себя и в них, чтобы не выглядеть слишком навязчивым, а когда она приехала к нему в город, в Нижний Новгород, она позвонила и запретила мне посылать даже сообщения.

— Я сама с вами свяжусь, — сказала она. — Вечером.

Мне ничего не оставалось, как подчиниться. Единственной спасительной мыслью для меня было то, что, может, его мама хотя бы явится помехой. Это хоть утешало. А потом, когда она позвонила вечером, улучив момент, когда осталась в одиночестве, и рассказала, что они уже поужинали и остановились в гостинице втроем, в одном с его мамой номере, она утешила меня еще и словами, сказанными в конце этого нашего скрытного тайного разговора:

— Я по вам скучаю.

На что я даже не смог найти слов.

Хотя после этого и запретила мне с ней связываться еще целых два дня.

4

В городе, куда я приехал, мне требовалось пробыть только сутки. Пока я что-то делал, ездил по учреждениям, разговаривал с партнером, я как-то еще мог существовать. Но когда отвлекался от дел, я приходил просто в ужас оттого, что все складывалось так скверно. Она сейчас там с ним...

Уже и телефон был запрещен, но оставалась фантазия. А это значит все равно контакт. Все равно контакт на каком-то уровне. Область любви, когда в нее попадаешь, когда ее себе позволяешь, вообще порождает фантастические вещи. Когда кто-то настроен на определенного человека безраздельно и ежесекундно, когда он думает о нем постоянно, когда он живет им, чувствует его, когда мучается его зубной болью, переживает о всех его делах и о нем самом больше, чем даже о своей собственной персоне, и та-

щит к врачу, заботится о его красоте, о его будущности, о здоровье в ущерб даже своему здоровью, другими словами, когда он его любит, у него налаживается просто сверхъестественная с ним связь. Он его чувствует как собственное тело. Он с ним составляет одну неразделимую единицу.

И поэтому, когда я после почти бессонной ночи и напряженного рабочего дня в чужом городе впал в глубокий сон в снятом перед отъездом домой на ночь номере гостиницы, для меня не было удивительным, что в два часа я проснулся внезапно и как будто не спал, вылетел из сна как пробка из бутылки, с какой-то резью в паху, натолкнувшись сразу на мысль и следом осознав вдруг с величайшей отчетливостью, что там *это* случилось. И осознав, что теперь мне предстоит чувствовать еще и это...

Я поднялся, сходил в ванную, потом у окна посмотрел на звезды, чувствуя, как будто в грудь забивают какой-то кол, и беззвучно крича:

— Пронеси Господи! Не дай хотя бы ей забеременеть с первого раза... — молился я, — хотя на все Твоя воля, и не роптать нам ни на что из Тобой содеянного...

А поскольку я не в силах был снова лечь спать, собрался и поехал домой, в свою деревню. Чтоб было спокойнее. Не так больно. Отвлечься по дороге. Но всю ночь рыдал и петлял по дорогам, к утру только выбрался на федералку.

В деревню приехал на следующий день. Все время в пути провёл в мыслях о ней и в домыслах о том, что она сейчас там делает, накручивая себя все сильнее и сильнее. А оттого, что по телефону переговорить было нельзя, и как там они, я не знал, место реальности занимали яркие фантастические образы, и это обстоятельство вообще смешивало возможное с вымыслом, приводя меня в исступление.

К полудню только успокоился. Даже удивился, какое нашло умиротворение. Специально себя еще и просканировал, искал ревность или страдание — ничего, всюду полный покой. Позвонил ее матери, справиться о том, как там Наташа, пошутил, что мне звонить ей запрещено. Мать тоже посмеялась, ответила, что все в порядке, и Наташа приедет послезавтра. И я остался даже в приподнятом настроении. Даже стал смотреть в окна машины вокруг на поля, не чувствуя ничего тревожащего.

А оказывается, это они на почтаamt ходили перевод получать. Который я же им и послал, поняв, что с продлением ему на день увольнения им уже не на что будет там жить. Они долго искали Главпочтаamt. Вернулись в номер, я в это время ехал на машине, слушая радио, и тут еще решил поставить тот диск, что нас с Наташей сопровождал в горах, который я утащил из «Мазды» с собой: «мне не вредно пометать...» или еще там было: «Коктейль депрессия». А еще Бендерас:

Еще чуть-чуть и прямо в рай.

Ведь жизнь удалась.

И все завидуют пускай.

Ведь жизнь станет в кайф.

И тотчас позвонила Наташа.

— Спасибо за перевод, мы его получили.

— Сергей вам здарсьте передает, — добавила она.

Я ответил:

— Привет военнослужащему.

Посмеялись.

Но как только она положила трубку, меня снова схватило будто обручем. Может быть, они взялись целоваться после этого? Не знаю, но я опять корчился от боли.

Я потом даже проанализировал. Вечером, когда приехал в свою деревню, вымылся в ванной. Звонит телефон. Наташа.

— Вы где?

— А ты где?

— Вышла тут куда-то.

Я говорю:

— Уже приехал в деревню.

— А мы сейчас в кино идем.

Я спросил:

— Когда кончится увольнение?

— Завтра в два часа дня.

— Значит, в воскресенье у нас не получается в Москве встретиться?

— Не получается.

— Ну ладно, что сделаешь. Ты жалеешь меня?

Она только рассмеялась.

Лег спать, но через пару часов проснулся катастрофически. И сразу же у меня опять ревность... И я понял, что это не от физических отношений, а от ее чувств, от направленности их на кого-то другого, в данном случае от направленности на него. Главная причина страдания моего — я орать дома начал даже благим матом, бегать из угла в угол, не знал куда деваться — главная причина страдания не от физического с ним, а от испытываемых ею к нему чувств. То ли от ощущения вины, оттого, что со мной ласково поговорила, она направила свое чувство любви на него. И я это уловил. А потом я четко почувствовал, что она вспомнила обо мне, пожалела в определенный момент уже меня, и все сразу отступило. Но потом опять начались мои страдания, и так до утра, и когда на другой день утром катался на лыжах, довел себя до слез. Перешел на шаг и довел до слез катарсиса, разговаривал с Сергеем в воображении, объяснялся в любви к Наташе и исповедовался ему, как другу, как наперснику, как сопернику, обнимая его и ища сочувствия. Представил, что приехал к ним в два часа, к окончанию его увольнения, когда он должен был уходить в часть, приехал на машине за Наташей и его матерью, обнимался с ним при их прощании, забирая ее у него, говоря честно, что я его соперник, что я все сделаю, чтобы ее у него отнять, хотя шансов никаких не имею. Фантазировал всякую ерунду. Но потом успокоился и подумал, что они, видимо, как всегда поругались, видимо, из-за снова возникшей его ревности ко мне, которая все время прорывалась в его разговорах с ней по телефону, когда я находился с ней рядом на Востоке, что я наблюдал постоянно и дома, и мне стало спокойно опять.

Вот и все мое благочинное самоотречение...

Но в два часа, в момент их расставания, я опять измучился весь.

Ну что она? Что? Полюбила его, опять, что ли?!

5

И вот я встретил ее на Казанском вокзале. Не предупреждая, просто узнав, в какое время она приезжает, я встретил их поезд. Ей было радостно меня видеть, она даже вздрогнула, разулыбалась, несмотря на находящуюся с ней рядом его мать. Обо мне же и говорить не стоит!..

Я даже и на маму его внимания не обратил. И то, что я встречаю, может быть, невесту ее сына, обставил как само собой разумеющееся.

Сказал только, что нам с Наташей надо по работе к нотариусу заехать здесь в Москве, и извинился, что не могу и ее в деревню подвезти.

А по той радости, какую Наташа испытала от встречи со мной, почувствовал, что у меня в уме одни домыслы, а что на самом деле ничего у нее с ним там не было.

Усадил в машину, сказал, что маме его я наврал и что мы с ней просто поедem кататься.

— Ну что, красивая?..

Но радовался я недолго. Уже через несколько минут она заявила:

— Хочу вам сказать. Не знаю даже, приятное или неприятное... Не знаю, может, вообще не стоит говорить...

Я даже остановил машину. Подал сигнал поворота, ушел в правый ряд и, припарковав машину у бордюра, с каплями пота, выступившими на лбу, повернулся к ней.

— Что такое?

— В общем, все у нас было.

Я задержал дыхание.

— Зачем? — выдохнул я.

— Что зачем?

— Зачем ты это сделала?!

— Мне не надо было этого делать?

— Да нет, ты все сделала правильно. Но зачем?..

— Не понимаю ваших слов. Вы же сами говорили, что если быть честной, я обязана была именно ему это подарить. Он заслужил. И давно. Ведь он меня любит.

— Он хоть оценил?

— О да! — сказала она. И уже только по ее тону я понял, что никто ничего не оценил и не в коня корм.

— В общем, это было ночью в душе...

Гостиница захолустная, душ внизу в подвале один, и очередь в него рассосалась уже далеко за полночь. Сначала они играли, друг друга мазали пеной, а потом вот... Потом они повторили это в номере со спящей (?) на другой кровати его матерью, и еще под утро.

Прошло время, десять, двадцать минут.

— Я это давно, еще осенью задумала, но не могла съездить. Впервые, Сергей — это была моя первая любовь в жизни, три года были мы вместе, и считала, что это должно у меня быть именно с ним. И жалость к нему. А главное, я хотела расстаться с тем девичьим, потому что многого не понимаешь, пока девочка не стала женщиной, женщина понимает гораздо больше. Это новая жизнь Я не собираюсь спать напрапалую со всеми, но...

— Я могу даже сказать, в каком часу это у вас ночью было.

— Откуда вы можете знать?

— В два часа это у вас было... Ох, дурак он, дурак, знал бы он, что делает. Откупорить девчонку и отправить домой. Ты же сейчас будешь доступна для всех.

— Да что вы такое говорите!

— Я говорю, что знаю. Все знакомые парни теперь будут обращаться к тебе с предложением. Тебя я несколько ни в чем не виню, это природа, нормальный ход вещей. Ты хоть что-то сама почувствовала?

— Ну что вы! У него такие эмоции...

— Понятно. Сама не почувствовала ничего. Любишь его?

— Нет, не люблю.

— Ну и зачем?.. Хотя нет... Но ты хотя бы постарайся не говорить об этом всем вокруг. Подругам своим, особенно друзьям. Все друзья изменят к тебе отношение в миг. Они станут тебя хотеть.

— Ну, как же я никому не скажу? Сегодня же побегу к девчонкам.

— Да зачем?

— Как зачем? Рассказать!..

— Да понятно, побежишь... Но запомни: теперь у тебя на самом деле будет другой статус. Все 250 телефонов сразу встанут в очередь.

— Конечно, другой.

— О, Боже мой, ты думаешь «взрослость» — это так здорово... к тебе будут относиться как ко взрослой. Побежишь хвататься. Да это все ерунда. Главное не в том. А в том, что с тобой случилось, главное — это величайшая тайна, которая открывается только один раз...

— Да, я теперь с девчонками на равных, теперь есть о чем поговорить, сравнить...

— Господи, какая ты все-таки глупая...

Вечером я, выбравшись в районный центр из своей деревни, сидел в ресторане в одиночестве и пил коньяк, чего не делал один уже лет триста, и только слал ей, где-то пребывающей на девичнике, изредка на телефон сообщения.

«Пью за самый главный день в твоей жизни».

«Вы пьете?» — даже не поленилась послать мне сообщение она. — «И один?»

«Не говори, зацепило. За самый значимый твой в жизни день!».

«За день превращения тебя из куколки в бабочку».

И допивая какую-то очередную рюмку:

«За то космическое таинство, какое произошло».

«В древности это событие отмечалось всем племенем, всем родом, позже это могло происходить в храмах вблизи каменной статуи Бога, человечеством это всегда воспринималось мистически»

Она опять не выдержала и перезвонила мне среди шума и гама там вокруг.

— Что это вы такое мне пишете?

— Ты теперь уже предоставлена не только себе, тебя уже будет вести сила. Ты теперь нераздельно отдана ей...

После разговора с ней я крадучись — соображение-то все же было — предварительно рассчитавшись, потихоньку выбрался из ресторана и добрался до дома на машине без особых происшествий.

Послав ей последнее сообщение перед сном:

«Я тебя люблю».

Глава 4

1

podruge

Я ревную. Ты не представляешь, до какой степени я схожу на нет. У него она тоже первая. Он делал все осторожно. Романтично, говорит она. В душе. И пусть она не почувствовала ничего волнительного, но его эмоция ее, видимо, поразила. И пусть она нафантазировала, что романтично, она себя выдала тем, что рассказала однажды, как кто-то уже предлагал ей в обмен на ее девственность безвозмездный кредит в тридцать тысяч долларов, и обещал, что будет все красиво, цветы, шампанское, свечи... а тут какой-то душ в подвале. В подсознании, несмотря на ее отказ продать свою молодость, это предложение, конечно, отложилось, и она себя теперь просто накручивает на романтизм...

Я что-то болтал про таинство (а она уже рассказала об этом всем друзьям), и зря. Она ничего не поняла. Но тем не менее, невзирая на ее непонимание, раз у них это таинство совершилось, они будут невольно теперь тянуться друг к другу, только по одному воспоминанию. Хотя она и говорит, что не выйдет за него все равно. Но не свяжет ли это их? И уже не связало ли?

Сегодня сказала:

— Утром хотела, одеваясь, с вами поговорить, но потом не стала, — вечером это уже мне сказала, когда я вез ее домой. Я даже опять остановился.

— Не пугай. Что такое опять?

— Да так...

— Хочешь сказать, что безнадежно?

— Лучше горькая правда...

— Нет, неправильно, это все литература. Лучше сладкая ложь. Хуже всего безнадежность. Не надо про страшное.

Она посмеялась над моими словами.

— Так я и маме теперь буду говорить: лучше ложь, чем горькая правда...

— То есть ты хочешь сказать, просто друзья? —

— Да, именно это и хотела сказать, откуда вы догадались?

— Опять полюбила его?

— Нет, он тут ни при чем. Вообще не хочу любви больше. Вообще впредь.

— Но мы с тобой теперь только друзья.

— Да. Никакой любви. Я, помните, вам, когда мы уезжали от тети Иры, сказала, когда мы остались вдвоем на улице, «как бы в вас не влюбиться», я на самом деле опасалась этого. Вы были такой отчаянный, безбашенный, а я на это всегда ведусь. Я на самом деле правду говорила. Сильное искушение было... Но я это пресекла в себе.

— Пресекла?

— Да.

— И как же это делается?

— У меня есть система.

— Система? Что это такое?

— Сама выработала. Не позволять. Надо представить, что я — это не я. И сразу смотришь на себя и на все, что с тобой происходит или творится, со стороны и снисходительно.

— Да у тебя целая школа. Только зачем?

— Чтобы не страдать. Чтобы не влюбиться и потом не страдать. Все страдают потом. Я ведь буду как Сергей, если себе позволю.

Такой же деспоткой буду, буду ревновать, мучиться, не спать ночами. Я всегда искореняю. Вот с Сергеем, я и любила его, и привычка была потом к нему, и потом ничего уже не было, никакой любви, все проходит, осталась одна ругань, осталась только привычка. А вот поссорились и сидим далеко друг от друга, или не видимся, и я не могу прийти к нему и обнять, поцеловать, такое мучение. А потом помирились и начинаешь ругаться, как и до этого, ищешь только повод: Ты не то этим хотел сказать? — Как не то? — удивляется он. — Нет, не то. — Да что не то?.. — и пошло-поехало!

Даже если бы мы с вами, если бы у нас с вами что-нибудь было, тоже ведь через год надоели бы и ненавидели друг друга.

Я ответил, что нельзя судить так огульно, тем более о том, в чем нет опыта, и добавил:

— Я сейчас даже не о нас с тобой... Но, вот, Филимон и Бавкида, из очередного мифа Греции, знаешь, прожили душу в душу всю жизнь. И в конце ее попросили у Бога, думаешь, чего?

— Ребенка?

— Нет. Чтобы Бог послал им смерть в один день. Чтобы не горевать друг о друге. Такой образ мифологический. Ну, а что касается нас, то нам это при любых обстоятельствах не светит, слишком у тебя старше.

Сказал то ли о том, что нам не светит испытать ненависть друг к другу, которая должна быть, по ее словам, через год, то ли о том, что нам нет возможности умереть в один день. Последнее-то уж определено.

Она посмеялась.

— Но я все равно без вас уже не смогу, я теперь буду с вами всегда. Я буду приходиться к вам всегда со своими новыми любовниками.

— О, Господи!

— Ну, или ухажерами. Называйте, как вздумается. Раз я влюбляться теперь уже не собираюсь, то этих ухажеров будет много, толпы. И мы их будем потом с вами обсуждать, и мои отношения с ними...

— Я тоже не знаю, что у нас может быть, какие могут быть отношения. Но знаю, что нас-то влечет друг к другу не только половое, хотя не исключаю и это, и по своей рассудочности считаю, что в основном половое, как бы там ни было... Однако знаю, что нам

очень хорошо друг с другом и так... Может быть, не стоило бы себе не позволять?..

— Нет, нельзя было.

— Тебе виднее. Чужая душа потемки.

— Я всегда определяю ситуацию сама. Я не хочу больше боли. Ведь при вас я со временем могу опять остаться одна... И поверьте, я сумею себя построить. Я все определяю сама. Помните, я поцеловала вас в постели сама. Вы так хотели обнять меня, но боялись, и я сначала оттолкнула вас, а потом сама же полезла к вам целоваться.

— Это ты называешь самостоятельно определить ситуацию?

— А разве нет?

— Как знаешь... Как жалко, что ты решила не позволять...

podruga

Я ей интересен тем, что объясняю ей ее постоянно, часто неожиданно, и очень помогаю ей в ее мыслях. Она открывает тогда сама себя. А рефлексировать она не устает, это ее главное занятие.

podruga

А она интересна мне тем, что, играя какую-нибудь роль, тут же может отвлечься и посмеяться над своей этой игрой и рассказать, например, как еще в детстве, изображая «деловых и модных», когда только завелись мобильные телефоны в их деревне, чтобы окружающие видели, что им с подругами звонят непрерывно и они вынуждены без конца отвечать, настраивали в телефоне будильник и отвечали на звонок, важно разговаривая сами с собой.

Или как она вышла из туалета с завернувшейся сзади за пояс брюк полосой туалетной бумаги. И видит, что все на нее оглядываются, провожают глазами, засматриваются, и она долгое время со счастливым чувством думала о том, как она хороша, как она красива и как всем нравится... А это, как потом обнаружилось, был просто кусок туалетной бумаги...

Я всегда так податлив на такие «самонаблюдения». И нам так интересно с ней анализировать их вместе...

— Я тоже хорош и изображаю подчас любовь, причем любовь страстную, а на самом деле, когда говорю «люблю», то это подчас совершенно не значит, что я в этом совершенно уверен, я боль-

ше сам себя убеждаю в том, что влюблен, а задним умом, влюбчивый и подлый, уже подумываю, куда буду сбегать... Так сказать, заранее готовлю пути отхода... Причем все это происходит на пике влюбленности.

— Да вы опасный человек.

— Не говори, коварен, прикидываюсь даже перед самим собой таким добреньким, а на самом деле испортил жизнь трем женщинам, решившимся связать со мной свои жизни. Иногда сам себе противен, и что такое носишь в себе?.. Я вот говорю тебе, что жалею несчастных и убогих, а ведь жалею всегда прежде всего самого себя, потому что считаю их где-то на себя похожими. И плачу, жалея их, только о себе...

— А с Сергеем о чем я могу поговорить? О том только, что он ел, когда заступил в наряд, когда сменяется. И все! Как вы можете говорить, что я его люблю?..

drugu

Мы близки с ней еще тем, что главное находим в осознании, в наблюдении, в сравнении и анализе, в познании жизни, видя смысл жизни как бы в разгадке этого смысла. Это наш самый главный интерес. Вот, например, для нее так же, как для меня, в общем-то, всегда были не деньги и обстановка окружающая главное, а главное была физиология. В любом случае жизнь внутренняя, хотя бы на уровне познания физиологии.

(Да она и потом, хочу заметить тут в скобках о будущем, существовала на какие-то всегда копейки, ела Бог знает что, жила Бог знает в каких условиях, и особо на деньги и на хорошие условия никогда не попадалась. Ради них никогда ничем не жертвовала).

Главное — это область физиологии, и даже не любовь, не так поэтично, хотя все, что содержится в этой сфере физиологии, со всеми этими гормонами, половыми созреваниями, эякуляциями, раздражениями нейронов, это все равно и есть любовь, потому что все на этой элементарной физиологии выстраивается, во всем просто элементарная физиология. Которая, как бы там ни было, есть тоже тайна из тайн, может быть, самая главная тайна из всех, какие существуют, и которая никогда не покупается и не покупалась, в отличие от той же любви, все-таки в некоторых случаях продающейся. Физиологию нельзя обмануть, нельзя принудить, она ис-

кренна и непосредственна, от денег никак не зависит и никогда не зависела, не зависит от уровня цивилизации и удобств в жизни человечества, использования воды, колеса, электричества, антисептиков, не зависит и не зависела от материального благополучия, социального строя и культуры, образования, меры начитанности. И сейчас, в эру компьютеров и скоростного обмена информацией, без которых мы как бы не можем уже себя представить, не можем и помыслить, что когда-то кто-то мог жить иначе, считая прежние эпохи вообще отсталостью и мракобесием, не зависит от скорости передвижения, физиология одна во все времена, даже в избе с земляным полом, при лучине, она всегда была универсумом, являлась основополагающей вещью. Вот узнать это, этот универсум, эту отправную точку, вот это поймать, это ухватить, основу жизни, это было для нас с ней всегда главным, пусть для меня несколько подзабытым главным, но так до конца и недопознанным, к чему я с ней вернулся опять. Познать физиологию — это познать любовь... Это актуально во все времена.

А самое главное, что для нее, девчушки, наивной девственной девчушки, из тех девчушек, которых Бог для помощи в осознании ими их особых, сверхважных задач в мире наградил отсутствием чувственности, некоторых даже и со вступлением в брак и с началом половой жизни еще долгое количество лет после потери девственности отсутствием полового удовлетворения, другими словами, наградил *невинностью*, чему нет места уже в теперешнем современном мире, сошедшем с ума по опытности и искушенности, чуждом очарования девственности старых времен, навязывающем даже лишенным оргазма девушкам в идеал непонятную чувственную жизнь, которую они в принципе не могут прочувствовать, и с прискорбием вынуждены испытывать от этого комплекс неполноценности. Для нее, девчушки с холодной организацией половой системы, с бесконечной тягой к познанию того, чего же люди, мужчины, да и некоторые из женщин находят умопомрачительного в *этом*, был риск эту загадку никогда вообще не решить. Что же такое в этих модных в теперешнем чувственном мире горячих людях содержится? Что в них есть такого, чего нет у нее? Так ведь можно умереть и не понять этой самой главной загадки жизни!

Как я сопереживал ей в этом и как понимал и любил.

— Ты звонишь ему, ты выйдешь за него, — продолжал ревновать я. — Какая бы ни была твоя решимость, все равно от памяти о теле ты не сможешь просто так отделаться. Это невероятная сила, в отношении нее легкомысленность не проходит. Вот посмотри, я хотел от тебя ребенка, зачала от твоего папы твоя мама. В сорок лет беременная опять ходит, не шутка, как бы в компенсацию умершей Машеньки. Это у меня перелет получился, снаряд мимо цели. Господи, люди не знают, насколько мистическое явление этот поток любви. Какую силу это облако имеет, в котороеходишь и которое невольно захватывает всех находящихся рядом. Тебе это не понять. Ты ведь это искореняешь, не позволяешь. А ведь какая удивительная вещь этому не сопротивляться. Уступить силе. Вся суть, загадка провиденческой силы — ей не сопротивляться, покориться. Позволить облаку себя вести. Ведь только в таком случае можно познать, что в ней, в этой любви содержится. Как ты можешь тогда что узнать?

Может, еще и наладится у вас с ним. Сила сработает. И будете жить душа в душу. Вон твои папа с мамой... Он же агрессивен, лидер, «без башни», дрался всегда как птушник, бил всех подряд, даже маму, деспот и властолюбив. И мама бегала от него, чувствуя это, и чуть из загса, как ты говоришь, не сбежала. А ведь смирились. И он, и она, и прожили уже вместе двадцать лет. И какие бы ни были внутренние разногласия и конфликты и подчас пугающие сторонних людей вещи, они составляют истинную пару.

— Запомни, с высоты своей красоты ты должна быть снисходительна к другим, — накачиваю ее в очередной раз я, лишний раз напоминая ей о ее внешности.

Причем накачиваю сознательно, каждый день повторяя: я тебя люблю, ты красива!

Чтобы она это помнила!

Она опять затихала, оторопела и опять была неагрессивной некоторое время.

— Сегодня в клубе подумала, что надо бы разобраться со своей старой обидчицей, а потом как-то неожиданно успокоилась, — вспо-

минала она на другой день, — а потом вообще махнула рукой. Подумала, ведь прибегут мои подружки мне в помощь с ней разобраться...

На одном литературном вечере, куда я ее взял и где она была в новом платье, и где я ее представлял ребенком, — она проявила даже определенную женственность.

Те несколько моих знакомых, какие там были, очень мало знали о моей семейной жизни, и мне легко было говорить условно: ребенок. Это, в общем-то, соответствовало действительности, поскольку это все равно ребенок и был.

На фуршете, когда мы стояли рядом и она уронила салфетку на пол, я сказал чтобы она не поднимала.

— Я сам подниму. Ты не должна этого делать. Запоминай.

И поднял.

Никто не спросил у нее номера телефона, и поэтому, видимо, она сначала говорила, что все стремные, не на кого даже посмотреть, все какие-то уроды...

— За пианино только и сидел симпатичный парнишечка, а так больше никого. И никто даже не приклеился, все закомплексованные такие...

Но при разговоре с ней мужчины вели себя очень галантно, в гардеробной кто-то сказал даже, что она королева здесь. Это под конец ее несколько развлекло и утешило. Так что она осталась даже довольна, самостоятельно и без моего совета обошла перед уходом всех тех, с кем я знакомил ее, чтобы попрощаться, всем сказала какие-то теплые слова, и на обратной дороге, разговаривая по телефону с Сергеем и рассказывая о своем посещении вечера, поругалась с ним, выговорила ему, что он, как ее мама, тоже хочет, чтобы она только мыла посуду, раскричалась, разозлилась и сломала и выбросила из машины в окно симкарту.

В деревне на другой день, тем не менее, опять стала неуправляемой и строптивой, и с Сергеем помирилась и снова зажурчала по телефону.

podruge

Даже ночью сейчас, когда она спит здесь, дома, не там с ним, в увольнении, а здесь, с родителями, одна, я страдаю, потому

что она, ее душонка, все равно уже не со мной. С ним, с ним. К нему она теперь летит. «Да прилепится жена к мужу, и будут одно». Тело все определяет. И все в нас духовное и вся эта наша душа, как последняя шлюха, всегда готова подчиниться телу, которое все равно ведь определяет всю ее жизнь, и она всегда готова его обслужить, пойти на все унижения, лишь бы это тело утешить, — потому что вне этого тела душе ведь нет места в нашем мире.

Пусть и ругается с ним постоянно по телефону, ломает специально заведенные для разговора с ним дешевые симки, клянется, что больше не будет разговаривать с ним никогда. Но потом покупает симки опять.

Я был в роли просителя и страдающего от ревности. И эта ее фраза: на жалости ничего не получается хорошего. Хотя это она говорила о нем. О ее с ним отношениях. Но и мне недавно она выдала: только друзья...

А они мне уже милы оба в своем детском открытии страны взрослости — эротике тела. Так они милы мне в своей предназначенности, естественности, прозрачности и очевидности того, что может произойти, и что, я знаю прекрасно, происходит... Милы до такой степени, что я ведь опять нафантазирую и попадусь на этой их предрасположенности друг другу, на том, как их тела сейчас друг к другу стремятся, стремятся по памяти, по воспоминанию этой их случившейся близости, этой загадки, искры, которая возникла между ними и которая в этой их звериной птушной жизни с их драками и степными законами и является единственной ценностью, единственно важным, что хранит их, этих особей, от полного озверения, единственное, что дает им Бог, что вручает им как факел для выхода из этого их мрачного подземелья. Больше уже от Божеского у них не будет ничего. Если они не порастеряют еще и это в дальнейшей жизни, то это только и сделает их похожими на человека. От этого у них и произойдет и терпимость, и нежность, и добро, и самопожертвование, и смирение, и все-все. Да вот, взглянуть на ее папу с мамой, ведь приятно смотреть на них вдвоем. А ведь они такие же люди с улицы.

podruge

Она еще не понимает всей мистичности момента того, что произошло...

А я все думаю: зачем мои попытки приобщить ее к театру, к литературе, и все прочее? Показать другой мир... Тусовки эти литературные. В ее птушном мире бытие сделает ее правильной, когда пойдут дети, которых она любит, и все установится...

Но если они порастеряют? Она не смирится, он изведет ее, да еще пристрелит? Сопьется? Что, он может обеспечить семью? Набитый дурак с серьгой в ухе, что он может создать? Не обречена ли семья? Они и сейчас друг с другом по телефону родительские деньги проговаривают. Чем, как они могут жить, чтобы не возненавидеть друг друга и не подрасться? Да ничем. Эта жизнь с ранним замужеством и детьми, особенно в теперешнее время, будет обречена на вырождение. Останется не только вся эта птушность и джунгли, с драками и грызней, все только усугубится, склочность придет, деградация. Скандалы, битье посуды, счета, претензии друг к другу, обиды, непощения, да и где им набраться сочувственности и умения прощать, и все это будет еще и на грани нищеты. И что?

Тем не менее я все равно уже попался. Сам клюнул на свою же выдуманную для них эстетику, на эту истинность для них выдуманной гармонии, на эту природную элементарную красоту, даже если смотреть на человеческую жизнь по тем же законам Дарвина как на борьбу за существование. Как на волков. Как на животных... — у них совершенный симбиоз... Попался опять на своих словах, на своей же способности находить в окружающем красивое, находить его, предрекать и составлять чужие судьбы, так что еще и воплощу все это по правилу, уважая законы природы, еще и возьмусь на самом деле держать венец над ее головой, выдавая за этого ее птушника замуж. Как всегда в своей жизни, превознось красоту, уважая чужую натуру, уважая чужие принципы. То есть воплощу свою декларируемую бескорыстность вполне. А как надоело, если уж откровенно, честное слово, в конце концов, ничего не получать лично для себя взамен. И выходит, что это опять не мне Бог послал девушку в мою монашескую келью, а, наоборот, меня в очередной раз послали на подвиг, на помощь в устрой-

стве чьих-то дел, выбрав меня как катализатор, как провозвестника, как посредника. Как надоело, признаться, быть вершителем чужих судеб. Пусть даже и на бумаге. Но только чужих. Противно становится, когда из своего монашеского одиночества оглядываешься на прожитую жизнь и видишь, что она вся состоит из сплошных утрат и отречения.

7

Через две недели по приезде из Нижнего Новгорода, когда мы были в Москве, в Третьяковке на Крымском мосту, заболело у нее в животе. Она сразу делает тест на беременность. Купила его в аптеке, поехали в мою пустую московскую квартиру, она зашла в туалет, тест не показал. И звонит по телефону Сергею. А тот настаивает:

— Ты беременна!

В свою очередь накачивает ее. Все равно должна быть! Как же, это его последняя зацепка. Он считает, что ее этим застолбил.

Я поясню: конечно, он будет желать, чтобы ты была беременна. Наконец-то он тебя сделал своей. Закабалил. Потому что дурак, нельзя было ему это делать, понимает, раз откупорил девушку, она стала свободна, понимает, что дурак, вот когда он заподпрыгивает, когда и задержки не будет, и поймет окончательно, что был дурилом. Можно представить его сумасшествие. Беременность — это была его последняя надежда на то, что она его дождется.

Еще больше стал писать ей страшных писем. Зная за ней ее способность к гиперпереживанию, эту ее непонятно откуда вдруг берущуюся чисто женскую и женственную паническую способность соперничать и сочувствовать, причем до самой крайней степени, когда готова за сестру, или друга, или любого близкого рисковать жизнью, — и на этом попадаться. Стал пугать тем, что их переведут в другую часть, повезут на поезде и что в связи с угрозой терроризма, это семьдесят процентов, что его убьют. Совершеннейшая глупость, которую мне пришлось объяснять и ее успокаивать.

Что ему делать будут операцию, какая-то болезнь, и удалят одно яичко. И что у него может не быть детей. Из-за чего Наташа сразу же впала в панику:

— Как же я могу в таком положении его бросить?!

И сразу заявила, что выйдет за него:

— Я ведь его люблю. И всегда любила!

И, несмотря на разъяснения родителей, что им нужно от нее внучат, а не подвигив, тем не менее целых три дня пребывала в истерике, пока не выяснилось, что это была очередная уловка.

.....

Ехали по делу в районный центр, она за рулем — я начал учить ее вождению, — видя, что я переживаю, похлопала меня по ноге и сказала: не парьтесь.

— Не парьтесь, Александр Борисович. О чем думаете? Расскажите...

— Не хочу.

— Почему?

— Не хочу. Достала ты меня уже.

— Ревнуете?

— Да уж не без этого...

— Ну, расскажите. К кому?

— Не буду.

— Да не расстраивайтесь, не переживайте, живем одним днем...

А на обратном пути в деревню рассказала, как поцеловалась первый раз... Как с Вовчиком пришли однажды в подъезд, и она, зная, что все уже подружки целовались, заставила его вывернуть лампочку и все сделала так, что им пришлось поцеловаться.

— Интересно ведь. Все целуются, а я ничего не знаю...

А тут вот еще мама Лена погладила собаку на улице. В то время как Наташа собак боится. Имеет такую слабость

— Вот, — говорю, — мама не боится, и ее не кусают.

Наташа вышла из машины.

— Пойду поглажу, — и подошла и действительно погладила.

И вернулась довольная. Практика воли. Молодец ведь! Как такую не любить?!

Позавчера поругалась с Сергеем, на другой день помирились. Вчера так поругались, что она опять выкинула симкарту, чтобы он не звонил, а сегодня показала мне его СМСку, в которой он пишет:

«Ты самая вредная бяка, вот что я понял,
а мне не хочется с тобой ругаться,
поэтому ты и злишься на меня.
Если будешь на меня так кричать, я тебя накажу:
перестану говорить, что ты у меня самая лучшая на свете...»
Господи, разве можно после этого перед их отношениями
устоять?..

8

drugu

Ведет себя как настоящая шлюха. Пацану своему отдалась, но замуж выходить за него не собирается, однако по телефону обращается к нему: здравствуй, любимый! Это при мне. Положила трубку и возвращается к разговору со мной: «Мы опять повздорили, замуж не пойду, даже если ребенок будет». И со мной разговаривает по телефону просто с нежностью, слушаешь, этакое воркование, а это она разговаривает так со всеми, у нее такой прием выработался, такая интонация проникновенная. При мне говорит с ним по телефону об интимных вещах, что делает меня соучастником какого-то обмана. Ведь я-то тут. А с ним — кто знает? может быть, перемывает кости мне.

irishke

Ирине Николаевне от Наты

Конечно, я не могу сказать, что его люблю. Но я удивляюсь, насколько меня к нему тянет. И ведь я осознаю разницу в возрасте, я все понимаю. Я не сумасшедшая. Но я вот рассказываю ему, какие чувства я испытывала по отношению к Сергею, а ведь это я вру, это я рассказываю о своем отношении к нему. И если я не бываю с ним хоть один день, я просто места себе не нахожу. Что это — я не знаю.

milashka

От Иришки

Привет, Натуля!.. Я тоже по тебе соскучилась. Ты обязательно пиши и спрашивай, что и как, я постараюсь помочь. То, о чем ты написала, — это любовь, что бы ты там ни говорила. Тебе самой решать, как с ней определиться, ничего не посоветуюсь. Но что

касается разницы в возрасте... Я тут, конечно, не беспристрастный советчик, и буду всегда на стороне Саши, но вот послушай... У Саши есть дочка от первого брака, Аня, она давно уже вышла замуж за человека, который по возрасту почти такой же, как Александр. Очень большая разница. Но родила двух очаровательных дочерей. Живет счастливо, потому что муж ее очень любит и потому что он еще и человек серьезный, уважаемый, состоятельный человек. Это немаловажно. Она и высшее образование получила, и профессия есть, т.е. в любой момент она будет стоять на своих ногах. Хороший тыл... А девочка она замечательная, я ее знаю. Умница. И очень миленькая, и наверняка от кавалеров отбоя не было. А видишь, как решила судьба.

Мне очень хочется, чтобы у тебя в жизни все сложилось наилучшим образом. Чтобы ты была довольна. Но есть такие вещи, которые решать можно только самой. Пиши почаще. Обнимаю тебя, моя красавица, и целую. Твоя тетя Ира.

irishke

Ирине Николаевне от Наты (в оригинале, без перевода с птушного)

Здравствуйте, тетя Ира!

Спасибо вам огромное за то, что вы мне даете советы! Понимаете, во мне такие противоречия борются. Одна сторона говорит: Наташа, чего тебе еще надо, такой хороший человек! Тебе такого больше никогда не найти. А другая — Наташа, думай! Зачем это тебе?

Ведь вот да, сейчас он выглядит хорошо, да, может быть, мы могли бы жить вместе, да, родили бы маленького, но ведь я же младше, у меня вся жизнь впереди, а у него? Каково мне будет жить потом, а самое главное, ребенку?! Я хочу себе человека на всю жизнь, и, как сам Александр Борисович говорит, чтобы умереть с ним в один день!

Я так переживала потерю сестренки, представляете, вот она была, и я думала, что так на всю жизнь, а получилось... еще раз терять — я не выдержу! Хотя, что я говорю, не дай Бог, Александр Борисович будет жить долго и счастливо!..

Вот такие мысли во мне борются, и не знаю, куда деваться...

Ваша Натулька...

podruge

О любви Иришке

Ведь у нее была любовь, напрасно ты это ее чувство недооцениваешь. Да она и есть. Та любовь, о которой я всегда мечтал, какой у меня никогда не было и какой не может быть по определению с моими всегдашними в этом деле опасениями и комплексами. И о которой только можно мечтать. Ведь представляешь, они всюду, где бы ни были, обнимались и так и ходили, обнявшись, часами, дома, на людях, везде, и ей, и ему это нравилось. Они поцеловались только через полгода после того, как уже начали встречаться, он даже запомнил дату, и два года хранили девство, считая, что это должно быть только после свадьбы. И он, и она. Она подарила ему себя, и это у них обоих было впервые. И у него и у нее. Ты полагаешь, этого мало? Не будь у них этих особенностей характеров, это была бы идеальная пара. Как ее мать и отец. Может, характеры могли бы и притереться. Бог знает, нам ли вмешиваться в пути Провидения. Когда я говорю о выборе, о ее выборе ТУДА, к нему, я пью не оттого, что меня обидели, я пью от безысходности. С тем, что там есть, я не могу бороться. Я не могу этому ничего противопоставить, потому что она уходит в правильный путь, в направлении к своей единственной любви на всю жизнь.

А то, что я могу предоставить взамен: обеспеченность, свободу, возможность при моей терпимости и понимании ее молодости и уважении к чужой экзистенции, флиртовать с другими, давая выход для ее распутной натуры, мою готовность даже довольствоваться крохами с ее стола, мое замешанное на любви смирение, возможность для нее проявлять себя, демонстрировать, красоваться, образование и так называемую культурную жизнь, более видную, и еще, как говорят, содержательную жизнь — это же все от лукавого, честно ведь признаемся, что это все разврат. Уж это-то я осознаю. По сравнению с ее правильным выбором и правильным воспитанием в семье. Да и по большому счету, вся наша культура — это ведь только прикрытие нашей неправильности, все эти утонченности, мудрствования и эстетические восприятия безобразных вещей, разве не так? Красивая оболочка на нашей несправедности... Пусть даже мы с ней во многом понимаем друг друга и так понимаем, как, может быть, не понимают друг друга они с ним, в силу какой-то духовной нашей с ней общно-

сти. Но там-то природа, а у нас все от ума, от отеческого и дочернего, от учителя и ученицы, от мыслей, выстраданных в свое время каждым в отдельности и радости нахождения их в другом. Но природа сильнее...

И потом не забывай их наивные детские мечты... Как она сейчас говорит, что они напридумывали после их близости, что квартиры у них будет — одна кровать. Так это у них сложилось в их наивном ребяческом мозгу, по крайней мере у него. Маленькая кухня есть, конечно, но основная комната — это кровать. У меня даже в мечтах такое уже не может быть. Я такое уже давно прошел. У меня это все уже на уровне обыденности...

Вот где моя *трагедь*, вот где мое страдание. А ты говоришь мазохизм...

9

И опять говорит мне...

— Если бы я за вас вышла, то только не из-за денег. Из-за этого бы никогда. Вы это понимаете?

— Да, я понимаю.

— А по-моему, вы неискренни. Вы мне не верите...

— Но ты ведь все равно этого не сделаешь, что тогда говорить?

— К тому же, вот если родится ребенок, его сверстники однажды скажут: почему твой папа не играет с тобой в футбол? И как я ему это смогу объяснить?..

— Я подумала, ведь если я упущу этот шанс, я буду последняя дура. Ведь человек ко мне хорошо относится, с ним я буду как за каменной стеной, и ведь я к нему хорошо отношусь, нет преступления ни в чем, так что же?..

Господи, мне надо радоваться хотя бы тому, что Бог дал. А что дал? Любовь. Пусть не счастье, не взаимность, не соответствие в возрасте. Но любовь. Ведь не к каждому человеку, с которым спишь, испытываешь любовь, и наоборот, не обязательно ты спишь с тем человеком, которого любишь. Так в чем страдание? Но вот то облако, которое на тебя опускается, облако любви, в котором ты немножко теряешь рассудок, перестаешь жить настоящим, практичным, земным, когда ходишь как во хмелю, и всех

и вся любишь, когда ты добр, отзывчив, сострадателен, рвешься всем помочь, вспоминаешь о том, что люди — это все же хорошо, начинаешь ценить красоту, и когда ты счастлив, именно счастлив, как бы там ни было, еще и не получив, казалось бы, самого главного или получив какие-то крохи, ты уже счастлив — не есть ли это всего важнее?!

okhotnik@pisma

Девочка, я вот тебе расскажу, как стреляют на охоте бекасов... Бекас — это такая деликатесная дичь, небольшая, но упитанная осенью птица, которую стреляют чаще из-под собаки, бродя с ней и с дробовым ружьем по лугам и мелким болотцам, но в любом случае его стреляют влет. Когда он вылетает стремглав из травы и с невероятной скоростью уносится от тебя, и тебе приходится стрелять его в угон. Дробь для него берут мелкую, седьмой номер, а то и мельче, чтобы в снопу дробового заряда было как можно больше дробинок, чтобы не было пустот в гуще этого снопа, чтобы все было дробинами заполнено. И чтобы по ширине сноп был побольше.

И вот охотник стреляет его в угон.

Бекас летит зигзагами, рывками, виляя из стороны в сторону, сбивая охотника с толку, но летит все же в каком-то одном направлении. Охотник учитывает амплитуду этих колебаний и отклонений, мысленно проводит вокруг них круг, и стреляет в центр. И несмотря на все отклонения и дерганья в стороны, бекас все равно твой.

Твои мальчики — это только зигзаги. И даже Сергей — это ведь просто спектакль длиной в несколько лет, это твой путь ко мне, к тому, чтобы оказаться моею...

Ты моя дичь, девочка, и я охочусь на тебя, и какие бы ты не выделывала зигзаги, ты все равно будешь со мной.

Часть третья Распутница